

Теодор Драйзер

Гений

Перевод с английского
Марка Волосова

ФТМ

Теодор Драйзер

Гений

«ФТМ»

1915

Драйзер Т.

Гений / Т. Драйзер — «ФТМ», 1915

ISBN 978-5-4467-1728-6

Герой романа «Гений», талантливый художник Юджин Витла, во многом сродни своему создателю – американскому писателю Теодору Драйзеру. Их сближают не только биографические совпадения, но и эстетические взгляды. Тернист путь Юджина к цели. Он обретает материальное благополучие и респектабельное положение в обществе ценой невосполнимых потерь. Но Юджин – сильная личность, он сумел не сломаться, пережив творческий и душевный кризис. Творческая личность, он находится в постоянном поиске и открывает для себя новую сферу – «великое искусство снов»...

ISBN 978-5-4467-1728-6

© Драйзер Т., 1915

© ФТМ, 1915

Содержание

Жизнь гения	6
Гений	17
Книга первая	17
Глава I	17
Глава II	24
Глава III	32
Глава IV	36
Глава V	42
Глава VI	44
Глава VII	48
Глава VIII	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Теодор Драйзер

Гений

The Genius © Theodor Dreiser, 1943

© Вступ. статья. Д. Корнейчук, 2009

© Перевод. М. Волосов, 2009

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

Жизнь гения

«Факт заключается в том, что он был великим художником. Никакой другой американский гражданин его поколения не оказал такого широкого и прекрасного влияния на нашу национальную литературу. Американская литература до и после его отличается так же сильно, как биология до и после Дарвина. Он был человеком огромной самобытности, глубокого чувства и непоколебимого мужества».

Генри Менкен

27 августа 1871 года в ветхом домишке, расположенном в одном из беднейших кварталов городка Тера-Хот (штат Индиана), раздался плач младенца – девятого ребенка в семье Джона и Сары Драйзер. Мальчика нарекли Германом Теодором.

Детство будущего писателя было неразрывно связано с нищетой. Отец, Джон Драйзер, был человеком, так называемого, «высокого полета мысли» и все время проводил в философских размышлениях – вследствие чего времени на работу просто не оставалось. Вся тяжесть содержания большой семьи лежала на матери семейства, Саре Драйзер. Сара хваталась за любую работу, лишь бы прокормить семью – занималась стиркой, убирала в гостинице, готовила обеды для одиноких рабочих. Однако этих титанических усилий мужественной женщины не хватало, чтобы избавить семейство от нищеты.

Впоследствии Драйзер так вспоминал свое детство: «Как ни был я мал, я все же сознавал страдания, выпавшие на долю моей матери. Мне вспоминаются долгие, мрачные, серые, холодные дни; скудная еда, состоящая из картошки или чечевицы. Ребенком, в особенности в эти годы, я не однажды был голоден».

В шестилетнем возрасте мальчика отдают в немецкую католическую школу, поскольку отец видел в нем будущего священника. Все что запомнилось Драйзеру за период обучения в школе – это постоянная зубрежка церковных текстов, надменные лица священников и долгие нудные службы, смысл которых ребенок просто не в состоянии был понять.

Уже с самого детства Драйзер познал, что значит быть бедняком. После школы, когда другие дети спешили домой к ужину, Теодор отправлялся помогать матери в ее работе. А что говорить о вечно латаной-перелатаной одежде? А издевательства со стороны других детей, которые унижали его за бедность? Все это оставило незаживающий шрам в душе писателя и до конца жизни вселило в него комплекс, что ему суждено судьбой нищенское существование. Но в то же время трудное детство закалило будущего писателя для будущей тяжелой борьбы за место в обществе.

Семья часто переезжает с места на место, однако везде ситуация одинакова – домишко в бедном квартале и, несмотря на постоянный труд, вечная нехватка денег на самое необходимое. И только когда семья Драйзеров переезжает в городишко Варшава, что в штате Индиана, в жизни Теодора наступает более-менее светлая полоса.

Наконец-то мальчик попадает в городскую школу, которая значительно отличалась от церковной своей широтой взглядов и меньшей догматичностью. «Именно в этой школе я впервые осознал... что именно все это время угнетало и задерживало мое развитие – догматическое и устрашающее господство католической церкви и школы», – вспоминал позднее писатель.

И мальчик начинает впитывать знания с такой скоростью, что просто потрясает своих учителей. Но главным пристрастием Драйзера становится литература. Он безуданно читает – Диккенс, Купер, Скотт, Теккереи, Шекспир. Для того чтобы прочитать в оригинале Шиллера и Гете Теодор изучает немецкий язык. Литература заставляет Драйзера задуматься над проблемами окружающего мира, задаться вопросом, почему одни люди бедные, а другие богатые.

В 1887 году Теодор Драйзер получает свидетельство об окончании средней школы. Перед молодым человеком встает вопрос: а что же дальше? Он не имел средств для поступления в университет, да и перспектив достойной работы в таком маленьком городке, как Варшава, не было. И Драйзер выбирает рискованный путь – отправляется в большой город, в Чикаго, в надежде найти работу.

Как и любой провинциал, приезжающий в большой город, Теодор был переполнен радужными надеждами; рассчитывал, что для кого-кого, а для него уж точно в Чикаго найдется хорошая работа. Как он ошибался! Большой город сразу отрезвлял все честолюбивые иллюзии провинциальных мечтателей, что Драйзер сразу ощутил на себе.

День за днем он обивал пороги фабрик, заводов, фирм и везде слышал одно: «Работники не нужны!», а там, где все же были места, обязательно требовался опыт работы. Но где же набраться опыта, если даже не предоставляют такой возможности. Наконец молодому человеку удалось устроиться посудомойщиком и посыльным в дешевом ресторанчике. Не выдержав тяжелых условий труда, через пару месяцев он уходит с этой работы...

Кем только не пришлось потрудиться на протяжении двух лет Драйзеру: чернорабочим на складе скобяных изделий, разносчиком газет и т. д. Без высшего образования у него не было никаких перспектив на высокооплачиваемую работу, и молодой человек уже начинал терять надежду, понимая, что помочь может только чудо.

«Чудо» явилось в облике Милдред Филдинг, его бывшей школьной учительницы в варшавской средней школе. Еще в школе она заприметила зарождающийся литературный талант Драйзера и, понимая, что без поддержки он может так и не раскрыться, в 1889 году за свой счет отправляет Теодора на год на учебу в Индианский университет.

В университете Драйзер увлекается историей и философией, знакомится с произведениями классиков мировой литературы. Именно в то время он начинает задумываться о литературном поприще – Теодор хочет стать журналистом.

Год учебы в университете пролетел быстро. Успешно сдав экзамены, но не имея денег на продолжение обучения, Драйзер возвращается в Чикаго. Снова работает на низкооплачиваемых должностях – клерком, возчиком фургонов прачечной, сборщиком взносов. Но теперь у него есть мечта – стать репортером. И Драйзер, которому было не занимать в упорстве в достижении цели, начинает воплощать мечту в реальность.

Сначала Теодор попытался устроиться репортером в крупные газеты, однако быстро пришел к выводу, что без опыта работы ему ничего не светит. Тогда он решил попытать счастья в издательствах поменьше. Вскоре он начинает свою репортерскую карьеру в газете «Дейли глоб».

Начав работать репортером, молодой человек быстро расстался со своими иллюзиями относительно сути этой профессии. Драйзер представлял себе репортеров «совестью нации», людьми, которые пишут правду, какой бы горькой и неприглядной она ни была бы. Но что он увидел на практике? Цинизм, заказные статьи, постоянная грызня между коллегами. «Желание трудиться, создавать что-то для мира наталкивается на жестокий отпор в горниле газетной текучки, попытки высвободить час-другой для души терпят неудачу, – напишет позднее Драйзер, – сводятся на нет из-за непрестанной занятости. В итоге человек обычно испытывает такое разочарование, что решает либо расстаться с мечтой стать писателем, либо поискать другое поприще, дающее больше возможностей для досуга. Гений выбивается на поверхность. Талант, так и не получив признания, нередко иссушает и растрчивает себя в сфере журналистики». Такими ли он представлял себе журналистов? Нет! Он не будет таким! Его статьи будут пронизаны правдой, как бы это не нравилось издателям!

Молодой журналист быстро обратил на себя внимание резкостью своих статей, тематика которых колебалась от политических разоблачений до убийств. Литературный редактор

«Дейли глоб» Джон Максвелл так отозвался о Драйзере: «Ты умеешь наблюдать. Тебе суждено быть писателем, а не только простым газетным репортером».

Набравшись опыта, Драйзер продолжает карьеру в Сент-Луисе. Летом 1893 года молодому репортеру сент-луисской газеты «Репаблик» Теодору Драйзеру поручили сопровождать молодых учительниц, победительниц конкурса «Лучший учитель», на чикагскую Всемирную выставку. Среди них он сразу заприметил молодую рыжеволосую Сару Осборн Уайт. Вот как впоследствии Теодор описывал свои первые впечатления о Саре (кстати, в романе «Гений» прототипом героини по имени Анджела стала именно Сара): «Она привлекала его не только своей внешностью, хотя была прелестна, но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус».

Молодые люди сразу понравились друг другу и начали встречаться. Вскоре они были уже помолвлены. Драйзер воспылал любовью, однако что действительно таилось под этим словом – желание физической близости или желание быть с человеком вечно? На это молодой репортер еще не мог дать ответа.

Время шло. Драйзер упорно работал над своей карьерой. В 1894 году он переезжает в Нью-Йорк. После периода тяжелых лишений, когда из-за отсутствия работы молодой человек был вынужден жить впроголодь, он осенью 1895 года возглавляет журнал «Эври манс». Далее Драйзер занимается написанием статей для ведущих американских журналов – «Космополитен», «Харперс». Теодор хорошо помнил свое бедное детство и юность, поэтому работал без остановок, не жалея себя, дабы опять не остаться без куска хлеба.

Для лучшего понимания жизненной позиции Драйзера необходимо отметить некоторые аспекты его мировоззрения, которое сформировалось еще в юношеские годы. Он совершенно не признавал американские светские условности, в частности, относительно взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Тогда было принято, что если уж молодой человек помолвлен с девушкой, то это уже предрешенная женитьба. Любые физические контакты между молодыми людьми, не состоящими в браке, строго осуждались обществом. Но Драйзер, как натура творческая, просто не мог быть связан с одной женщиной, для него это было невыносимо. Мир так огромен и прекрасен, такое количество умнейших и красивейших девушек кругом... Как можно навеки связать себя с одной?

Да, в определенный момент он увлекся Сарой, ее невинностью и простодушием, красотой и застенчивостью. И в состоянии любовной эйфории состоялась помолвка. Однако вскоре после знакомства молодой человек начал замечать существенные различия между ним и Сарой, те преграды, которые в будущем выросли в стену непонимания.

Для Драйзера условности ничего не значили, только вот для Сары все было диаметрально противоположным. Все то, что признавалось общественной моралью, было для Сары непоколебимой истиной. Она стремилась к браку и материнству, мечтала о муже, требующем заботы и любви, хотела стать добропорядочной замужней женщиной, а он... Да знал ли он сам в то время, к чему стремится его вечно мечущаяся душа?

В Нью-Йорке у Драйзера были другие женщины. Он быстро влюблялся – и также быстро остывал в своей страсти. Но не забывал и Сару, постоянно с ней переписывался, заверяя в любви, хотя жениться не спешил. Он не мог порвать эти, изжившие себя, по его мнению, отношения. Почему? Дело в том, что Драйзер не любил обижать людей, и ему было даже страшно представить, что случится с Сарой, если он разорвет эту помолвку.

Этот период их отношений писатель так описывает в «Гении» от имени своего персонажа Юджина: «Вот уже три года, как он был знаком с Анджелой. Около полутора лет он не видел ее. За последний год в его письмах все меньше и меньше говорилось об их отношениях... Ему трудно стало писать обычные любовные письма. Но он не позволял себе доискиваться причин этого, поскольку остерегался трезво разбираться в своих чувствах – это привело бы

его к мучительному заключению, что он не может жениться на Анджеле, и заставило бы, так или иначе, освободиться от данного ей слова...»

Именно такие чувства испытывал молодой человек по отношению к своей невесте. «Он тянул, удерживаемый жалостью к ее уходящей молодости, удерживаемый ее любовью к нему, сознанием своей несправедливости – тем, что он отнял у нее столько лет и помешал ей иначе устроить свою судьбу».

Надо заметить, что Драйзер имел основания для своих опасений относительно Сары. Она любила его безумно и не представляла своей жизни без него. В наш совершенно неограниченный моральными нормами век они бы просто расстались и, возможно, их дальнейшая жизнь сложилась бы удачней. Однако тогда, обуреваемый угрызениями совести, мучась за свое отсутствие любви к Саре и испытывая моральное давление со стороны ее сестры, Драйзер все же попросил руки Сары.

28 декабря 1898 года в Вашингтоне Герман Теодор Драйзер и Сара Осборн Уайт сочетались законным браком (довольно знаменательная дата, поскольку именно в этот день в 1945 году писателю предстоит отойти в мир иной).

Молодые переезжают в Нью-Йорк и начинают совместную жизнь. Поскольку по роду своей деятельности Драйзеру приходилось контактировать с тогдашней интеллектуальной нью-йоркской богемой, он попытался ввести в этот круг и Сару, что, однако, закончилось неудачей. Сара не понимала многих из обсуждаемых проблем, не разделяла свободные взгляды на общественную мораль, в общем, она сразу оказалась среди друзей мужа «белой вороной». Хотя это не мешало ей с чисто женской проницательностью наблюдать равнодушное отношение многих представительниц этого общества к ее мужу. Начались сцены ревности, истерики, несправедливые упреки.

Необходимо отдать Саре должное. Она любила мужа, любила до беспамятства. При помощи заботливых Сариных рук квартира Драйзера в Нью-Йорке была превращена в уютное гнездышко, в котором царил один бог – Драйзер. Что же испытывал сам писатель – известно только ему одному, однако есть сведения, что в то время у него были романы с другими женщинами.

В 1900 году Драйзер пишет свой первый роман – «Сестра Керри», в котором реалистично показывает многие негативные черты американского общества. Писатель очень много вложил в свое творение и питал надежды на его успех. Однако многие издательства отказались печатать книгу. Наконец, книга была выпущена тиражом... 1250 экземпляров, из которых было продано всего 456. Американское общество не приняло начинающего писателя: уж слишком он был откровенен, напоказ выставляя многие пороки общества. Неприятие его творения стало сильным ударом для Драйзера. У него начинается затяжная депрессия. Он просто не может писать, да и популярные журналы не особо нуждаются в его статьях. Материальное положение семьи ухудшается. Драйзеры переезжают из города в город в надежде, что новое место поможет выйти писателю из депрессии, однако ничего не помогает.

Только в 1904 году Драйзер восстанавливает свое душевное равновесие и чувствует, что может снова полноценно работать. Этот сложный четырехлетний период своей жизни он позднее также опишет в «Гении».

Большую часть этого периода времени Сара провела рядом с мужем. Она стоически терпела материальные трудности, жила надеждой на лучшее, упорно продолжая верить в своего Драйзера и стараясь вселить эту веру в него самого. Наверно, Сара давно уже поняла, что муж ее не любит, однако продолжала питать себя иллюзиями о том, что он поймет ее незаменимость.

Начиная с 1904 года в жизни Драйзера опять наступает светлая полоса. Сначала он устраивается штатным сотрудником газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс», далее возглавляет журналы «Стрит энд Смитс» и «Бродвей Мэгэзин» – и, наконец, апофеозом его журналистской карьеры

стал пост главного редактора одного из крупнейших в Нью-Йорке журнального объединения «Баттерик».

С этого времени Драйзер стал достаточно влиятельной фигурой в нью-йоркском обществе, его материальное положение улучшилось настолько, что он смог позволить снять себе огромную квартиру в центре города, приобрести роскошную обстановку, автомобиль с шофером... Его семейная жизнь перешла в состояние «тихого штиля». Драйзер смирился с жизнью с нелюбимой женщиной, а Сара с тем, что муж ее не любит. Новое социальное положение, занимаемое Драйзером в обществе, не позволяло ему быть втянутым в скандал на любовном поприще. Он был уже не простым журналистом, а главой солидного издания, человеком, принимать которого удостаивали честью крупнейшие бизнесмены и сенаторы. На этих деловых приемах следовало появляться с законной супругой, дабы не вызвать нежелательных кривотолков в обществе и не пошатнуть свой авторитет. Американская общественная мораль была очень строга в этом вопросе.

Все для писателя складывалось удачно: хорошая работа, перспективы, стабильная семейная жизнь. Слишком удачно...

В определенном возрасте у некоторых мужчин появляется неудержимое влечение к молодым, красивым и немного наивным девушкам. А если человек еще совершенно неудовлетворен своей семейной жизнью, то эта тяга становится просто невыносимой. В случае с Теодором Драйзером таким желанным объектом стала Тельма Кудлипп, которую впоследствии он изобразит в «Гении» под именем Сюзанна.

Тельма была дочерью одной из сотрудниц журнала, редактором которого являлся Драйзер. Вот как писатель позднее опишет свое первое впечатление о Тельме: «Было что-то свое, особенное, в этой цветущей девушке, то мечтательно безразличной, с улыбкой, подобной дыханию ветерка, оживляющего поверхность вод. Большие голубовато-серые глаза... румяные, красиво очерченные губы и еще по-детски округлое розовое личико в ореоле пышных русых волос были полны неизъяснимого очарования, а ее девичий стан дышал и невинностью и сладострастием».

Наконец-то он нашел свою музу.

С этого времени Теодор потерял покой, совершенно не мог сосредоточиться на работе. Драйзера закружило в любовном вихре, он не мог ни дня прожить без Тельмы. А что же девушка? Она отвечала ему взаимностью, но были ли для нее эти отношения тем, чем они представлялись Драйзеру. Вряд ли... Тельме импонировало то, что такой видный человек как Драйзер носит ее буквально на руках, выполняя любые ее прихоти, и поминутно клянется в вечной любви.

Сара не могла не заметить разительные перемены в поведении мужа. Произошел откровенный разговор, во время которого Драйзер признался, что любит другую, и желает развода. Однако предоставим слово самому писателю, который наиболее красочно описывает тогдашние свои слова, обращенные к жене: «Да, мне нужна свобода!.. И я ее добьюсь... Мне опротивело лгать и притворяться. Мне опротивели твои пошленькие взгляды на жизнь, твои представления о том, что хорошо и что плохо. Вот уже одиннадцать или двенадцать лет, как я терплю это. Я, как арестант, сидел с тобой каждое утро за завтраком и каждый вечер за обедом. Я выслушивал твои рассуждения насчет жизни и возмущался каждым твоим словом и презирал теории. Я шел на то, чтобы не оскорблять твои чувства. Но теперь с этим покончено».

Многолетняя плотина недовольства семейной жизнью прорвалась. Однако Сара категорически отказалась дать Драйзеру развод. А тут еще нагрянула неприятность в виде матери Тельмы, Анны Кудлипп. Анна была страшно напугана признанием дочери о том, что она любит Драйзера и собирается с ним жить. Что значит жить вместе? Он же женатый человек!

Мать решила взять дело в свои руки, дабы избежать возможного позора, вызванного неопытностью и романтической влюбленностью дочери. Сначала Анна поговорила с Драйзером, который клятвенно заверил, что женится на ее дочери, как только получит развод. А получит ли он его вообще? За ответом на этот вопрос Анна Кудлипп отправилась к Саре Драйзер, которая в самой категорической форме заявила, что не даст развод ни при каких обстоятельствах.

И Анна начала действовать. Она увезла Тельму из Нью-Йорка и поселила под присмотром родственников. Далее отправилась на прием к владельцу журнала «Баттерик» Эрману Рижую и потребовала немедленного увольнения Драйзера с поста главного редактора, поскольку он пытался совратить ее дочь. В противном случае пообещала сообщить журналистам все подробности этой истории, а также присовокупить некоторые аспекты амурных походов самого Риджуэя с сотрудницами журнала. Такой «жаренный» материал нанес бы непоправимый ущерб репутации журнала, а в те времена репутация значила многое.

В конце сентября 1910 года в кабинет главного редактора журнала «Баттерик» Теодору Драйзеру явились владельцы журнала для серьезного разговора. Было сказано, что в связи с его скандальной любовной историей, которая грозит репутации компании, он в данный момент не может выполнять обязанность главного редактора. Драйзеру предложили взять по собственному желанию годичный отпуск. Он сразу все понял – и откуда вести об его истории, и что скрывалось под «годовичным отпуском». И это после всех усилий, которые он вложил в развитие журнала!

Его финансовое положение сразу пошатнулось, ибо, получая на посту главного редактора журнала зарплату в 25 тысяч долларов, он мог позволить себе многое. А что теперь? Со всем придется расстаться? Со слугами, с машиной, с шикарной квартирой? Он не был готов к такому ходу событий. Дальнейшие события подкосили его еще больше. Тельма под нажимом матери заявила о решении на год уехать за границу, дабы на расстоянии проверить их чувства. Уехать именно теперь, когда она ему так сильно нужна, когда необходима ему как воздух?

Драйзер переселяется из дома в гостиницу, избавляясь от присутствия ненавистной ему жены. Он пишет письма Тельме, однако она ни одного не получает, поскольку письма перехватываются ее матерью.

Драйзер просто в отчаянии. Так 3 октября 1910 года он пишет Тельме: *«Цветочек мой, как ты мила. О Боже, как ты прекрасна и как воспоминания о тебе ранят. Если бы я потерял тебя... о нет – какая боль... Чувствуешь ли ты что-нибудь подобное? Скажешь ли ты об этом когда-нибудь? Почему ты молчишь?»*

*Тельма, милая! Сладенькая моя! Маленькая Синяя Птичка! Божественный огонь – я люблю тебя, люблю, люблю! Ты наполнила мои дни душевными муками и переживаниями, но они прекрасны. Ты стоишь всего – моих терзаний, моей работы, опасности публичного позора. Я с радостью плачу эту цену, и заплачу снова без малейших колебаний. Странно, не так ли? Но это правда».*¹

И все же Тельма уезжает, а Драйзер остается один...

Как известно, в этой жизни ничего просто так не происходит. Вполне возможно, что не случись этих событий, мы бы никогда не узнали великого писателя, а говорили бы о Теодоре Драйзере как об известном редакторе или, возможно, конгрессмене.

Оставшись один, Драйзер переезжает в скромную квартиру с видом на Гудзон и погружается в работу над новым романом – «Дженни Герхардт». Это был уже не тот молодой мечтатель, написавший свой первый роман «Сестра Керри». Нет, это реалист, осознающий, что, вполне возможно, его книги не будут приняты общественной ханжеской моралью из-за своей откровенности, однако он будет бороться за свои книги, будет писать, чего бы ему это не стоило.

¹ Перевод А. Федорусь.

В октябре 1911 года «Дженни Герхард» увидела свет в издательстве «Харперс». Роман, в основу которого писатель положил реальную историю, происшедшую с одной из своих сестер, был принят критикой достаточно благожелательно.

В 1912–1914 годах Драйзер пишет романы «Финансист» и «Титан», прототипом главного персонажа которых послужил известный американский миллионер Чарльз Йеркес. В этих произведениях Драйзер одним из первых американских писателей открыто показал механизмы накопления богатств представителями тогдашней бизнес-элиты. Не стоит и говорить о том, что с подачи последних романы были раскритикованы в прессе и продавались очень плохо (а «Титан» вообще не хотели издавать!).

Все произведения писателя шокировали общество своим реализмом. Драйзер писал о том, о чем пресса и писатели старались умалчивать – социальные проблемы, двойная общественная мораль, деньги, заработанные на обмане людей. Каждую его книгу критика и пресса встречала в «штыки». Поэтому выход в 1915 году нового романа «Гений» произвел очередной взрыв в американском литературном обществе. Основной тематикой романа Драйзера стала судьба таланта в американском обществе. Писатель прослеживает жизнь молодого талантливого художника Юджина Витлы, вынужденного отказаться от многих своих творческих стремлений в угоду суровым реалиям рыночных отношений. Осведомленный читатель без труда найдет большое сходство между главным героем и самим писателем.

Сам Драйзер так писал об этом романе: «Я имел в виду не какого-либо определенного художника, когда написал книгу, а сплетение обстоятельств в моей собственной жизни и в жизни других людей, которые интересовали и волновали меня». А в письме своему другу Генри Менкену замечал: «...это жестокая вещь, но взятая из жизни».

Интересна история написания романа. Первый вариант «Гения» Драйзер закончил писать в августе 1911 года. В первоначальном варианте роман имел, как выразились бы в наше время, хеппи-энд – после всех трудностей Сюзанна все же выходит замуж за Юджина Витлу. Издатели, ознакомившись с рукописью и как бы предчувствуя скандал, который может вызвать роман, в один голос утверждали, что данная тематика совершенно не заинтересует читающую публику. Писатель был вынужден на время отложить издание романа. В 1913–1914 годах Драйзер фактически переписывает роман заново, в частности, переписывая его концовку.

Сразу после выхода «Гения» большинство газетных и журнальных литературных критиков гневно обрушились на новое детище писателя. «Нью-Йорк Таймс»: «Теодор Драйзер еще раз избрал в качестве героя своей книги ненормального человека и написал о нем ненормально длинный роман... Он от начала до конца слишком реалистичен, а также слишком угнетающ и неприятен...».

Журнал «Харперс»: «Г-н Драйзер, этот хроник вульгарных американцев, катастрофически провалился со своим «Гением».

«Нью-Йорк Ворлд»: «Гений» Теодора Драйзера, история художника, жаждущего известности и гонящегося за женщинами, написана на 736 страницах, весит фунт и три четверти и содержит примерно 350 тыс. слов. Было бы лучше, если бы она была меньше на 350 тыс. слов, легче на фунт и три четверти и короче на 736 страниц. Г-н Драйзер должен отказаться от мысли, что, раз он достиг успеха двумя сексуальными романами, он может продолжать до бесконечности заполнять толстые тома остатками страсти».

«Радужный» прием прессы в очередной раз неприятно удивил писателя. Драйзер, правда, рассчитывал, что такая реакция критиков подстегнет общественное любопытство к его роману, однако не учел психологию тогдашних американцев, для которых мнение прессы о книге имело решающий вес. До конца года было продано всего 6577 экземпляров.

Но только неприятием романа критикой и плохим тиражом на этот раз неприятности писателя не закончились. В 1916 году «Нью-йоркское общество борьбы с пороком» запретило дальнейшее распространение «Гения», как «богохульного и непристойного произведения».

Стоит немного остановиться на деятельности этой организации. Полуофициальное «Нью-Йоркское общество борьбы с пороком» было создано во второй половине XIX века Энтони Комстоком и было наделено большими правами. На эту организацию власти штата Нью-Йорк возложили «почетную» миссию внедрения в жизнь законов, направленных против непристойностей – чем ее члены с энтузиазмом и занимались. Так к «подвигам» общества можно отнести запрещение распространения в США таких книг, как «Три мушкетера» А. Дюма, сборника од Горация, произведений Э. Сю. С их подачи были арестованы более 3 тысяч человек, уничтожено более 30 тонн книг и почти 4 миллиона репродукций картин. В общем, организация плодотворно стояла на страже американской нравственной морали.

После выхода романа глава общества Джон Самнер прочел «Гения» и нашел 17 «нечестивых», а также 75 «бесстыжих» мест! Это вынудило этого благопристойного человека лично отправиться в издательство и потребовать изъять книгу из продажи. «Мы смотрим на эту книгу с точки зрения ее воздействия на читательниц-женщин с незрелым умом, – писал он в ноябре 1916 года... – Совершенно ясно, что чтение подобной книги молодой женщиной окажет на нее весьма пагубное влияние».

Издатели, не желающие вступать в конфликт с фанатиками из общества, начали отзывать роман из магазинов. Драйзер, опасаясь за сохранность типографических матриц с текстом книги, был вынужден тайком вывезти их в соседний штат Нью-Джерси. Однако это уже был не тот начинающий литератор, который после отказа издавать его роман «Сестра Керри» впал в депрессию. Перед нами предстает уже состоявшийся писатель, готовый отстаивать право на жизнь своего произведения, как перед критиками, так и перед обществом в целом.

Друзья писателя разослали сотни частных писем писателям, журналистам и издателям с просьбой высказаться в поддержку Драйзера. В его защиту выступили такие мастера слова, как Джек Лондон, Синклер Льюис. Поддержала Драйзера и Лига писателей Америки. Из Европы Герберт Уэллс и ряд других писателей прислали телеграмму: «Мы считаем, «Гений» – произведение с большими литературными достоинствами, и поддерживаем протест Лиги писателей Америки против его запрещения».

Драйзер постоянно дает интервью в прессе, защищая свою книгу и призывая освободить литературу от общественных цензоров. «Я смотрю на вмешательство в мои дела... как на акт грубого произвола и опасаюсь за судьбу интеллигента в Америке, – писал он в статье, опубликованной в конце 1916 года. – Вмешательство «общества борьбы с пороком» в серьезную литературу представляется мне наихудшей и наиболее развращающей формой тирании, которую только может придумать человеческий разум и которая вскрыла всю глубину невежества и нетерпимости и пресекает инициативу и вдохновение в самом зародыше... В литературе пытаются насадить царство террора. Когда оно кончится?».

К большому сожалению, поддержка Драйзера многими видными литературными организациями не имела существенного эффекта – запрет с книги снят не был, ибо, по словам Джона Самнера, «... группа людей не должна пытаться навязать обществу ее собственное понимание того, что является приличным или неприличным». Надо заметить, что господин Самнер с полным правом мог адресовать эти слова и к своей собственной организации, ведь именно его общество присвоило себе право судить о том, что нравственно, а что нет!

И хотя Драйзер был уже закаленным в моральном плане бойцом и запрет «Гения» не мог сильно подкосить его в душевном плане, однако, по словам биографа писателя Сванберга, «теперь для него было абсолютно невозможным писать новые романы, которые могли запретить, даже если бы он мог позволить себе такую роскошь, и пройдет целое десятилетие между «Гением», который превратил его в бедняка, и следующим романом, который принесет ему относительное благополучие. Кто знает, что еще сошло бы с его пера, если бы его не ограничивали, а поддерживали?». Писатель сосредотачивается на публицистической деятельности, пишет рассказы, многие из которых отвергаются издателями. Осенью 1919 года судьба свела

его с Элен Ричардсон, молодой актрисой и его дальней родственницей. Между ними сразу вспыхнула симпатия, быстро перешедшая в неразрывную привязанность. Драйзер так позднее описал эту встречу:

«Какими словами описать глубочайшее из переживаний? Какими красками передать то, что есть самая сущность и потому так неуловимо и не имеет резких оттенков? Думается мне, что лучше всего начать с того серого ветреного сентябрьского дня, когда я сидел за письменным столом в моей мастерской на 10-й улице в Нью-Йорке и писал; услышав звонок, я несколько минут раздумывал, отворить ли дверь...

Я встал, накинул на себя синий китайский халат, который всегда лежал у меня под рукой на случай, если окажется необходимым придать себе более импозантный вид, и подошел к двери. При этом я заметил, что надел халат наизнанку, а это, как известно, является самым бесспорным предзнаменованием неотвратимых перемен. Я не знаю случая, когда бы эта примета не оправдалась... Я отворил дверь. Наградив меня такой молодой, радостной, невинно-простодушной улыбкой, какой (так мне показалось в ту минуту) я не видел ни у кого уже много лет, она осведомилась, здесь ли я живу, и назвала меня при этом моим полным именем.

– Здесь, и я перед вами.

– Ах, в таком случае я ваша родственница, племянница Ви, – мелодичной скороговоркой промолвила девушка. – И Ви взяла с меня слово...

– Если вы племянница моей двоюродной сестры Ви или состоите в каком-либо другом близком или дальнем родстве со мной, прошу вас, войдите, – прервал я ее с тем радушием, с каким встречают луч солнца, неожиданно проникший в подземелье. Такими лучистыми были ее глаза и улыбка. До этой минуты я никак не думал, что среди моих родственников может быть такая восхитительная девушка. Что говорить, яркий луговой цветок столь же противоположен грубому сорняку, выросшему на худосочном городском сквере. Маленькая кокетливая газель рядом с клыкастым кабаном, злым и диким... Пьеретта, разодетая для майского праздника, и старый Борей, мрачный и хмурый. И все же я старался улыбаться и чувствовать себя молодым душой, и мне даже удалось достичь чего-то, у меня не хватает духу сказать – чего. Кто это писал:

«...заставляя веселое солнце озарять тусклые сердца тех, для кого красота – потребность души»?».

Через несколько дней после знакомства Драйзер признался Элен в любви.

Так провидение подарило Драйзеру любимого человека и верного помощника до конца его жизни.

В 1925 году вышел новый роман писателя «Американская трагедия». В романе, объединившем жанр детектива и философские размышления, Драйзер показал основную суть так называемой «американской мечты» о богатстве, ради достижения которой люди готовы идти на убийство.

Книга, основанная на реальных событиях, была встречена с восторгом как критиками, так и читателями. Впервые книга Драйзера не подверглась критики, и даже больше – стала литературной сенсацией. Его издатель, Хоррест Ливрайт, писал: «Рецензии поразительны, полны энтузиазма, воздают вам должное. Ваше выдающееся положение в литературе признано, продажа идет блестяще».

«Мы вскоре поняли, – вспоминала Элен Ричардсон, – что с этого момента в нашей жизни может быть все, кроме спокойствия. Не успели мы распаковать наши вещи, как... сразу окунулись в водоворот событий, вызванных огромным успехом «Американской трагедии». Хоррест Ливрайт предвкушал колоссальный успех. Происходили совещания за совещаниями; шли переговоры о продаже книги для кино, о постановке пьесы за границей, о постановке ее на Бродвее».

После успеха «Американской трагедии» читатели стали активно покупать и другие романы писателя – «Гений», «Сестру Керри», «Дженни Герхардт».

Как и многие представители передовой интеллигенции, Драйзер был разочарован общественным устройством Америки. Огромные различия между уровнем жизни разных частей населения вызывали протест у таких людей с обостренным чувством справедливости, как Драйзер. Этот протест приводил к поиску новых утопических форм общественного строя, где бы все люди были равны и не было ни богатых, ни бедных. Под влиянием подобных мыслей писатель неизбежно склоняется к коммунистическим идеям о всеобщем равенстве и братстве, примером воплощения которых он видел Советский Союз. «Я знаю так мало правды об условиях в России, – писал Драйзер, – что я не осмеливаюсь высказывать свое мнение в отношении окончательного результата того, что там происходит, но я действительно надеюсь, что нечто прекрасное и большое и бессмертное выйдет из этого».

Драйзер загорелся идеей побывать в Советском Союзе. Он говорил: «У России есть мечта... Мне нужны идеалы. И такой я представляю себе Россию. Меня интересует она сама, происшедшие изменения, ее идеалы, ее мечты». Просоветские взгляды известного американского писателя не остались незамеченными в Москве, которой в то время необходимо было создать позитивный имидж страны на мировой арене. Что могло быть лучшей характеристикой преимуществ коммунистического строя, чем слова такого человека, как Драйзер?

Россия понемногу восстанавливалась после разрушительной гражданской войны благодаря вынужденному НЭПу, который многие «товарищи» считали предательством идей революции. В страну еще позволяли приезжать, а самое главное – уезжать, иностранным журналистам, бизнесменам, писателям. И что самое замечательное, иностранцы еще имели возможность общаться с настоящими пролетариями, а не с «подсадными» агентами НКВД. На этой последней волне демократических свобод осенью 1927 года Драйзер получает официальное приглашение от правительства России принять участие в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции.

В сопровождении переводчика писатель на протяжении нескольких месяцев путешествует по России. Он встречается с представителями так называемой «новой пролетарской интеллигенции, рабочими, крестьянами». И всюду слышит восторженные отклики людей, как хорошо живется в стране, где «так вольно дышит человек». Писателя окружают таким вниманием, которое ему и не снилось в Америке. В его честь устраиваются приемы и торжества, его знакомят со всеми историческими достопримечательностями. Как известно, человек видит то, что он хочет видеть, и верит в то, во что хочет. Не избежал этого и Драйзер. «Мой визит в Россию, – писал он Анри Барбюсу, – явился восхитительным именно потому, что я видел, как рабочие и крестьяне в действительности создают жизнь, справедливую ко всем тем, кто хочет трудиться, и в которой ничего не припасено для бездельников и транжир». Только вот не знал великий писатель, что всех так называемых «бездельников и транжир», в лице составляющих цвет нации интеллигенции и дворян, уже давно поставили к стенке в подвалах ЧК, а кто успел убежать – работали таксистами и швейцарами от Парижа до Нью-Йорка!

Возвратился из поездки Драйзер в полной убежденности, которую он сохранил до конца жизни, что «Россия – это единственная социальная надежда мира... Она сделала и делает для будущего человечества значительно больше, чем остальные страны мира, вместе взятые». В 1928 году писатель на основе своих впечатлений публикует книгу «Драйзер смотрит на Россию».

Осенью 1930 года писатель был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Именно Драйзеру большинство литературных критиков прочили приз Шведской королевской академии... А награду получил другой американский писатель – Синклер Льюис. Драйзер отнесся к такому повороту событий совершенно спокойно, заметив: «Я не могу себе предста-

вить, чтобы эта премия уменьшила или улучшила умственное состояние любого серьезного писателя».

Драйзер сосредотачивается на публицистической и общественной деятельности. В 1944 году, после долгих лет игнорирования, последовало официальное признание литературных заслуг Драйзера – Американская академия искусств и литературы награждает писателя почетной медалью за выдающиеся достижения в области искусства и литературы. В решении академии указывалось, что Драйзер награждается «не только за высокие качества таких книг, как «Американская трагедия», «Сестра Керри», «Двенадцать мужчин» и многие другие, но также за Ваши отвагу и честность, с которыми Вы пробивали путь в качестве пионера, воссоздающего в прозе подлинных живых людей и настоящую Америку». Писатель отправляется в Нью-Йорк за наградой. Не обошлось и без неприятных эксцессов. По традиции каждый лауреат премии выступал с благодарственной речью. Драйзер в своем будущем выступлении собирался затронуть проблемы современного искусства, однако текст речи, отправленный на предварительное ознакомление в академию, был возвращен с предложением полностью его переделать. Писатель счел такой жест личным оскорблением. В день награждения он медленно взошел на сцену, принял награду... и молча вернулся на свое место в зале.

В том же году произошло радостное событие в личной жизни писателя. Поскольку первая жена Драйзера, Сара, много лет не давала ему развод, писатель был вынужден жить вместе с Элен Ричардсон гражданским браком. В 1942 году Сара умерла, вследствие чего Драйзер стал свободным человеком как по закону, так и по канонам католической церкви. И вот, вскоре после награждения Академией искусств, в небольшом городке Стивенсон, штат Вашингтон, состоялось бракосочетание между Германом Теодором Драйзером и Элен Ричардсон.

Последние годы своей жизни писатель полностью отдается работе над двумя романами – «Стоиком» (завершающей частью «Трилогии желаний») и «Оплотом» (историей падения нравов в американской квакерской семье). «День за днем мы работали с ним, сидя друг против друга за его длинным рабочим столом; Тедди покачивался в старомодном желтом кресле-качалке, а я печатала на машинке, – вспоминала Элен Ричардсон. – Иногда мне не хватало места, чтобы разложить перепечатанные страницы, тогда мы переходили в столовую и устраивались за большим испанским столом. Тедди тащил за собой кресло-качалку, усаживался в него, и, покачиваясь, продолжал диктовать. Упорство, с каким он работал, было просто невероятным; в сущности, за редкими исключениями, его ничто больше тогда не интересовало».

Теодор Драйзер скончался 28 декабря 1945 года. «Мир и покой, недоступные человеческому пониманию, снизошли на него. В его кончине было великолепное благородство, словно каждый атом его тела обрел полный покой».

Творческое наследие Драйзера намного пережило писателя. Поколение сменяется поколением, но книги Драйзера продолжают притягивать читателей в поисках ответов на актуальные вопросы о добре и зле, любви и ненависти, благородстве и подлости. Все также мы продолжаем переживать вместе с главными героями его романов, представляя себя на месте Клайда Гриффитса или Френка Каупервуда. А именно этот интерес и является показателем истинного величия литературного гения Теодора Драйзера!

Д. Корнейчук

Гений

Юджин Витла, обещаешь ли ты взять эту женщину себе в жены, чтобы жить с ней согласно воле божьей в священном браке? Обещаешь ли ты любить ее, беречь, почитать, лелеять в болезни и здоровье и, отказавшись от всех других, быть верным ей одной, пока смерть не разлучит вас?

Обещаю.

Книга первая Юность

Глава I

Действие этой повести начинается между 1884–1889 годами в городе Александрии, небольшом административном центре штата Иллинойс. Собственно городом Александрию с ее десяти тысячным населением можно было назвать лишь в той мере, в какой она перестала быть деревней. В описываемую пору в ней имелись: одна линия конки, театр, носивший название «Оперы» (неизвестно почему, так как там никогда не ставилась ни одна опера), два вокзала, по числу проходивших здесь железных дорог, и так называемый деловой центр, в сущности, четыре тротуара вокруг главной площади, на которых обычно толкался народ. В деловом центре города находился окружной суд и редакции четырех газет – двух утренних и двух вечерних. Газеты эти не без успеха старались довести до сознания своих читателей, что на свете много всяких вопросов как местного, так и общегосударственного значения и что жизнь ставит человеку немало интересных и разнообразных задач.

Несколько озер и живописная речка на окраине – пожалуй, самая приятная особенность окрестного пейзажа – сообщали Александрии характер недорогого курорта. Строения в городе были не новые, почти сплошь деревянные, как и вообще в американском захолустье того времени, но некоторые кварталы выглядели даже нарядно. Дома здесь стояли в глубине зеленых палисадников, и обрамлявшие их живые изгороди, неизбежные цветочные клумбы и вымощенные кирпичом дорожки с непреложностью свидетельствовали о достатке и комфорте, которым наслаждались их обладатели. Александрия была городом молодых американцев. Ее дух был молод. Перед каждым еще простирались неведомые дали. Здесь можно было жить и радоваться жизни.

В этом городе обитала семья, которая по своему положению и составу могла считаться типичной для Америки, в частности, для ее Среднего Запада. Семью эту нельзя было назвать бедной – во всяком случае, она себя такой не считала, – но она отнюдь не была и богатой. Отец, Томас Джеферсон Витла, агент по продаже швейных машин, был в округе главным поставщиком одной из наиболее известных и ходких марок. Продажа каждой машины стоимостью в двадцать, тридцать пять и шестьдесят долларов приносила ему тридцать пять процентов комиссионных. Машин продавалось немного, но достаточно, чтобы агент мог выручить от этих операций до двух тысяч долларов в год. На эти средства мистеру Витла удалось приобрести участок земли и дом, который он уютно обставил, и открыть на главной площади лавку, где были выставлены последние модели швейных машин. Он также принимал в обмен подержанные машины других марок, со скидкой от десяти до пятнадцати долларов с продажной цены новой машины, занимался починкой и, сверх всего прочего, с истинно американской предпри-

имчивостью, пробовал свои силы в страховом деле. Он взялся за него в расчете, что к тому времени, как сын его, Юджин Теннисон Витла, подрастет, страховое дело достаточно разовьется, и он передаст ему эту часть своей работы. Конечно, пока еще трудно было сказать, что выйдет из его сына, но всегда хорошо иметь что-нибудь про запас.

Мистер Витла, рыжеватый блондин невысокого роста, с голубыми глазами, приветливо глядевшими из-под густых бровей, орлиным носом и вкрадчивой, подкупающей улыбкой, был человек живой и энергичный. Необходимость внушать несговорчивым матронам и их равнодушным или косным мужьям, что им не обойтись без новой швейной машины, выработала в нем осторожность и такт, а также известную изворотливость. Он умел принаравливаться к людям. Его жена считала, что даже слишком. И уж во всяком случае мистер Витла был честен, трудолюбив и бережлив. Ему с женой пришлось долго ждать того дня, когда можно будет сказать, что у них есть свой собственный дом и припасено кое-что про черный день. Но когда это время наступило, у супругов Витла уже не было основания жаловаться на судьбу.

Их славный домик, белый с зелеными ставнями, ютился в тени высоких густых деревьев, а перед домом раскинулась низко подстриженная лужайка с тщательно разделанными клумбами. На террасе стояли кресла-качалки, под одним деревом висели качели, под другим – гамак, а в сарае помещались шарабан и несколько фургонов, в которых Витла разъезжал со своим товаром. Он любил собак и держал двух шотландских овчарок. Миссис Витла обожала все живое: у нее была канарейка, кошка, куры, а в скворечнице, укрепленной на высоком шесте, обитало несколько дроздов. Словом, это был прелестный уголок, и супруги Витла по праву гордились им.

Мириэм Витла была своему мужу доброй женой. Дочь владельца фуражной лавки в Вустере, что в графстве Мак-Лин, небольшом городке близ Александрии, она никогда не выезжала дальше Спрингфилда и Чикаго. В Спрингфилд она попала еще в ранней юности, по случаю похорон Линкольна, а в Чикаго съездила вместе с мужем, чтобы побывать на ярмарке, которую штат ежегодно устраивал на городской набережной. Миссис Витла хорошо сохранилась, она все еще была красива; под ее внешней сдержанностью скрывалась поэтическая натура. Это она настояла на том, чтобы назвать их единственного сына Юджин Теннисон – в честь своего брата Юджина, а заодно и прославленного поэта, – такое сильное впечатление произвели на нее «Королевские идиллии».

Имя Юджин Теннисон казалось папаше Витла несколько вычурным для американского мальчика, уроженца Средне-Западных штатов, но он любил жену и обычно считался с ее желаниями. Имена Сильвия и Миртл, которые она выбрала для дочерей, ему даже нравились. Все дети были хороши собой. Черноволосая, темноглазая Сильвия, энергичная, здоровая, всегда улыбающаяся, в двадцать один год цвела, как роза. Сестра ее, более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая, была необычайно мила – совсем как цветок мирта, имя которого она носит, говорила про нее мать. Прилежная, мечтательная, склонная к уединению, она любила стихи. Все юные денди из старших классов считали за честь пройти с Миртл, но в ее присутствии не могли сказать двух слов. И она не знала, о чем с ними говорить.

Юджин Витла, двумя годами моложе Миртл, был любимцем семьи. У него были гладкие черные волосы, темные миндалевидные глаза, прямой нос и красиво очерченный, но, пожалуй, безвольный подбородок. Все находили необыкновенно приятной его улыбку, обнажавшую ровные белые зубы, которыми он словно гордился. Он не отличался крепким здоровьем, был подвержен частой смене настроений и рано стал проявлять черты артистической натуры. Плохое пищеварение и некоторое малокровие делали его более хрупким на вид, чем он был на самом деле. Под броней сдержанности в нем таилась пламенная, страстная душа, кипели бурные желания. Он был застенчив, самолюбив, не в меру чувствителен и очень неуверен в себе.

Дома он слонялся без дела, зачитывался Диккенсом, Теккереем, Скоттом и По и, глотая книгу за книгой, размышлял о жизни. Его манили большие города. Он мечтал о путешествиях.

В школе на переменах он читал книги Тэна и Гиббона, дивясь пышности и красоте описываемых ими королевских дворов. Уроки языка, математики, естествознания и физики казались ему скучными, интерес к ним просыпался у него лишь временами и ненадолго. Иногда вдруг какие-то вещи представлялись ему занятыми – что такое на самом деле облака, из чего состоит вода, какие химические элементы входят в состав земли. Но охотнее всего он лежал в гамаке и, будь то весной, летом или осенью, глядел в голубое небо, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Коршун, парящий в небе и как бы застывший в созерцательном полете, надолго приковывал к себе его внимание. Чудесное зрелище белоснежных облаков, которые, клубясь, несутся по ветру, словно плавучий остров, было для него подобно песне. Он не лишен был остроумия и обладал чувством юмора и чувством пафоса. Порой ему казалось, что он будет заниматься живописью, порой – что писать стихи. Он угадывал в себе склонность и к тому, и к другому, но не занимался, в сущности, ни тем, ни другим. Иногда он делал какие-то наброски – ничего законченного: уголок крыши, выходящий из трубы дымока и летящие птицы; излуцина реки со склонившейся над водою ивой и тут же лодка у причала; мельничная запруда со стайкой плавающих уток и мальчик или женщина на берегу. У него не было еще в то время дара изображения, а только очень острое чувство красоты. Очарование летящей птицы, пышно распустившейся розы, дерева, раскачивающегося на ветру, – все захватывало его. Он любил бродить вечерами по улицам родного города, любясь яркими витринами и наслаждаясь ощущением молодости и воодушевления, которое дает толпа, и ощущением ласкового уюта от освещенных окон домов, просвечивающих сквозь густые деревья.

Он восхищался девушками, они влекли его, – но только те, что были по-настоящему красивы. В школе были две-три девушки, при виде которых ему приходили на память поэтические сравнения из книг: «красота – что стрела, пущенная из лука», «золотые косы, дивный стан», «прелестный образ, поступь феи», но он терялся и робел в их присутствии. Они казались ему прекрасными, но такими далекими. Его воображение наделяло их большей красотой, чем это было на самом деле, – красота жила в его душе, но он еще не знал этого. Одна девушка, чьи густые волосы, золотистые, как спелые колосья, тугими косами лежали на затылке, долго занимала его мысли. Он обожал ее издали, а она и не подозревала, что он не сводит с нее серьезных горящих глаз, стоит лишь ей отвернуться. Вскоре она уехала, ее родители переселились в другой город, и время исцелило раны Юджина – ведь на свете много красоты. Но цвет ее волос и чудесные линии шеи запомнились ему навсегда.

Витла подумывал о том, чтобы дать детям высшее образование, но никто из них не обнаруживал влечения к наукам. Они были, пожалуй, мудрее книг, так как жили в мире воображения и чувства. Сильвия мечтала о материнстве. В двадцать один год она вышла замуж за Генри Берджеса, сына Бенджамина Берджеса, издателя газеты «Морнинг Эппил», и в первый же год у них родился ребенок. Миртл, погруженная в премудрости алгебры и тригонометрии, уже задумывалась над тем, выйти ли ей замуж или стать учительницей, так как скромные средства семьи требовали, чтобы она чем-нибудь занялась. Юджин учился, грезя наяву и не заботясь о том, чтобы приобрести полезные знания. Он немного писал, но эти попытки шестнадцатилетнего мальчика были ребячеством. Он рисовал, но не было никого, кто сказал бы ему, стоят ли чего-нибудь его рисунки. Все житейское, как правило, не имело для него значения, а в то же время его пугало, что жизнь ставит человеку практические задачи: продавать и покупать, как его отец, вести торговые книги, управлять делом. Все это смущало его, и он очень рано стал задумываться над тем, что его ждет. Он не возражал против занятия, которое избрал для себя отец, но оно не интересовало его. Он думал, что для него это будет бессмысленной, скучной погоней за куском хлеба, да и страховое дело не лучше. Едва ли он когда-нибудь разберется в бесконечных дурацких параграфах страхового полиса. Когда по вечерам или в субботу он помогал отцу в лавке, это было для него сущим наказанием. Не лежала у него душа к этому делу.

Когда Юджину пошел тринадцатый год, мистер Витла уже стал понимать, что его сын не создан для коммерции, а когда тому минуло пятнадцать, он окончательно убедился в этом. Судя по книгам, которыми увлекался мальчик, и по его школьным отметкам, Юджина, видимо, не интересовали и школьные занятия. Миртл, которая была на два года старше брата, но в школе занималась в одной с ним классной, рассказывала, что Юджин меньше всего думает об уроках. Он глаз не отрывает от окна.

Опыт Юджина по части любовных увлечений был небогат. На его долю выпали те мимолетные переживания, которые суждены нам в ранней юности, когда мы украдкой целуем девушек или они украдкой целуют нас, – к Юджину относилось последнее. Он не увлекался какой-либо определенной девушкой. В четырнадцать лет одна юная школьница избрала его на вечеринке своим кавалером и во время игры в «почту», когда в темной комнате девичьи руки обвились вокруг его шеи и девичьи губы коснулись его губ, он испытал незабываемое ощущение; но больше им не пришлось встретиться. Вспоминая это первое переживание, Юджин мечтал о любви, но всегда робко, издали. Он боялся девушек, да и те, по правде говоря, боялись его. Они не могли его понять.

Но на семнадцатом году жизни, осенью, Юджин встретил девушку, которая произвела на него глубокое впечатление. Стелла Эплтон, его ровесница, была настоящей красавицей. Белокурая, с темно-голубыми глазами и тонкой, воздушной фигуркой, она была исполнена того веселого и простодушного очарования, которое и само не подозревает, как оно опасно для обыкновенного незащитного мужского сердца. Она кокетничала с мальчиками не потому, что кто-нибудь ей особенно нравился, а потому, что это забавляло ее. В этом кокетстве не было, однако, ничего мелочного и дурного, просто она находила, что мальчишки все премилые, причем те, что поскромнее, привлекали ее, в сущности, больше, чем воображающие о себе умники. Юджин понравился ей своей робостью.

Он увидел ее в первый раз, когда был уже в выпускном классе. Стелла недавно поселилась в их городе и поступила в последний класс третьей ступени. Отец ее приехал из Молина, штат Иллинойс, получив место управляющего на новой, только что открывшейся здесь фабрике приводных ремней. Девушка быстро подружилась с Миртл – по-видимому, ее привлекал в Миртл кроткий нрав, тогда как ту привлекала веселость Стеллы.

Как-то днем, когда подруги шли по Главной улице, возвращаясь домой с почты, они повстречали Юджина, который шел к товарищу. Юджин почувствовал робость; завидев их издали, он хотел было бежать, но они уже заметили его, и Стелла с интересом его разглядывала. Миртл захотелось показать брату свою хорошенькую подругу.

– Ты не из дому? – спросила она, останавливая Юджина. Это давало ей возможность познакомиться с ним Стеллу; теперь он никак не мог улизнуть. – Мисс Эплтон, это мой брат Юджин.

Стелла наградила его светлой, поощрительной улыбкой и протянула руку, которую Юджин робко пожал. Он совсем растерялся.

– У меня ужасный вид, – пробормотал он извиняющимся тоном. – Я помогал отцу чинить шарабан.

– Пустяки, – сказала Миртл. – Куда ты идешь?

– К Гарри Моррису, – ответил он.

– Зачем?

– Мы пойдем за орехами.

– Я тоже не отказалась бы от орехов, – сказала Стелла.

– Я вам принесу, – любезно вызвался он.

Она опять улыбнулась.

– Буду очень рада.

Ей хотелось предложить ему взять их с собой, но она не решилась.

Юджин сразу подпал под власть ее чар. Стелла была похожа на одно из тех недостижимых созданий, которые и раньше появлялись на его горизонте. Чем-то она напоминала девушку с косами цвета спелых колосьев, только в той было больше человеческого и меньше сказочного. Стелла была прелестна. Нежная и розовая, как фарфоровая статуэтка, она казалась очень хрупкой, хотя на самом деле была здоровой и сильной. У Юджина захватило дыхание, но он чувствовал какой-то страх перед нею. Ему хотелось бы знать, что она подумала о нем.

– Ну, нам пора домой, – сказала Миртл.

– Я пошел бы с вами, если бы не стоворился с Гарри.

– Ладно, – ответила Миртл, – мы не обидимся.

Он попрощался, чувствуя, что произвел невыгодное впечатление. Глаза Стеллы смотрели на него вопросительно. Когда он отошел, она поглядела ему вслед.

– Какой он милый, – сказала она Миртл.

– Да, только ужасный нелюдим.

– Отчего это?

– Он не очень крепкого здоровья.

– Мне нравится его улыбка.

– Вот как? Я ему скажу!

– Нет, пожалуйста, не надо! Ведь ты не скажешь, правда?

– Нет, нет!

– Но у него в самом деле хорошая улыбка.

– Приходи к нам как-нибудь вечером, ты его непременно застанешь.

– С удовольствием, – обрадовалась Стелла. – Вот хорошо. Мне и вправду хотелось бы.

– Приходи в субботу с ночевкой. Он будет дома.

– Обязательно приду!

– Я вижу, он тебе понравился! – засмеялась Миртл.

– Он очень славный, – просто сказала Стелла.

Их вторая встреча и в самом деле произошла в субботу вечером, после того как Юджин вернулся с работы из страховой конторы отца. Стелла пришла к ужину. Он увидел ее в открытую дверь гостиной и помчался вверх переодеваться, – в нем пылал тот огонь юности, которого не может потушить расстроенное пищеварение или слабые легкие. Трепеща от радостного волнения, Юджин особенно усердно занялся своим туалетом, тщательно вывязал галстук и сделал аккуратный прямой пробор. Когда он через некоторое время спускался вниз, его мучила мысль, что ему надо сказать Стелле что-то умное, достойное его, а то она и не заметит, какой он интересный, но вместе с тем он боялся, как бы не осрамиться. Когда он вошел в гостиную, Стелла сидела с его сестрой у камина. Лампа под абажуром в красных цветах мягко освещала комнату. Это была обычная в таких домах гостиная – стол, покрытый голубой скатертью, простые фабричные стулья и полка с книгами, – но в комнате было уютно, и этот домашний уют чувствовался во всем.

Миссис Витла поминутно выходила из комнаты, занятая делами по хозяйству. Отца еще не было дома. Он поехал куда-то в другой конец округа, надеясь продать там одну из своих машин, – его ждали домой к ужину. Юджину было все равно, дома отец или нет. Мистер Витла, когда бывал в хорошем настроении, любил подтрунивать над детьми, причем всегда в одном и том же духе: он подмечал просыпающийся в них интерес к другому полу и предсказывал, что все их пылкие увлечения завершатся когда-нибудь самым прозаическим образом. Он любил говорить Миртл, что она выйдет замуж за ветеринара, а Юджину прочил в жены некую Эльзу Браун, у которой, как уверяла миссис Витла, были сальные локоны. И Миртл и Юджин принимали эти замечания добродушно, Юджин даже удостоивал их снисходительной усмешки – он любил шутку; но уже в этом возрасте он трезво судил об отце. Он видел, как жалко его занятие, и ему было смешно, что подобная профессия может предъявлять права и на него, Юджина. Он

таил свои чувства, но в нем кипел протест против всего заурядного, словно раскаленная лава в кратере вулкана, который время от времени зловеще дымится. Ни отец, ни мать не понимали его. Для них он был странный мальчик, мечтательный, болезненный, еще не отдающий себе отчета в том, чего он, собственно, хочет.

– А, вот и ты! – сказала Миртл, когда он вошел. – Садись сюда.

Стелла встретила его чарующей улыбкой.

Юджин подошел к камину и стал в позу: ему хотелось произвести впечатление на девушку, но он не знал, с чего начать. Он так растерялся, что не мог сказать ни слова.

– Вот и не угадаешь, что мы делали! – зашебетала Миртл, приходя ему на помощь.

– А что? – смущенно отозвался он.

– А ты отгадай. Ну, попробуй.

– Хоть разочек, – прибавила Стелла.

– Жарили кукурузу, – осмелился предположить Юджин, невольно улыбаясь.

– То, да не то.

Это говорила Миртл.

Ее подруга не сводила с Юджина широко раскрытых голубых глаз.

– Еще разок, – предложила она.

– Каштаны! – догадался он.

Она весело кивнула. «Какие волосы!» – подумал Юджин. Затем спросил:

– А где же они?

– Вот вам один, – ответила его новая знакомая и, смеясь, протянула ему на ладони каштан.

Под действием ее ласкового смеха к нему стал возвращаться дар речи.

– Жадина! – сказал он.

– Как не стыдно! – воскликнула она. – А я отдала ему свой последний каштан. Не давай ему ничего, Миртл.

– Беру свои слова обратно, – поправился он. – Я не знал.

– Ничего он не получит! – заявила Миртл. – На, Стелла, держи, а ему не давай! – И она высыпала последние каштаны Стелле на ладонь.

Юджин понял, что от него требовалось. Это был вызов – его приглашали отнять каштаны силой. Пожалуйста, он готов.

– Ну дай же! – Он протянул руку. – Так не честно.

Стелла покачала головой.

– Только один! – настаивал он.

Она все так же медленно и решительно покачала головой.

– Только один, – просил он, придвигаясь.

Золотистая головка не сдавалась. Но рука, державшая каштаны, была так близко к Юджину, что он мог схватить ее. Девушка хотела было убрать ее за спину и там переложить каштаны в другую руку, но он подскочил и крепко сжал ее запястье.

– Миртл! Выручай! – позвала она.

Миртл бросилась на помощь. Их было двое против одного. В самом разгаре борьбы Стелла увернулась от Юджина и встала. Ее волосы задели его по лицу. Он крепко держал ее маленькую ручку. На мгновение он заглянул ей в глаза. Что это было? Он не мог бы сказать. Но только он выпустил ее руку и подарил ей победу.

– Ну вот, – улыбнулась она. – А теперь я дам вам один каштан.

Он схватил каштан и засмеялся. Но гораздо больше ему хотелось схватить ее в объятия.

Незадолго до ужина вошел отец и подсел к ним, но немного погодя взял свежий номер чикагской газеты и ушел читать в столовую. А потом мать позвала всех ужинать, и Юджин сел рядом со Стеллой. Его занимало все, что она делала и говорила. Когда ее губы шевелились,

он наблюдал за тем, как они шевелятся. Когда обнажались ее зубы, он думал о том, какие они красивые. Светлый завиток у нее на лбу манил его, словно золотой пальчик. Только сейчас он понял всю прелесть выражения «золотистые пряди волос».

После ужина он, Миртл и Стелла вернулись в гостиную. Отец продолжал читать в столовой, а мать принялась мыть посуду. Миртл вскоре ушла помогать ей, и Юджин остался со Стеллой вдвоем. Теперь, когда они были одни, Юджин не решался говорить. Что-то в ее красоте сковывало его.

– Ты любишь школу? – спросила она, помолчав. Ей казалось неудобным сидеть молча.

– Не очень, – ответил он. – Там нет ничего для меня интересного. Я думаю бросить учение и начать работать.

– А что ты собираешься делать?

– Еще не знаю, – может, стану художником.

Впервые он признавался в своем честолюбивом стремлении. Зачем, он и сам не знал.

Но Стелла пропустила это признание мимо ушей.

– Я боялась, что меня не примут в выпускной класс, – сказала она, – но меня приняли. Директор школы в Молине написал здешнему директору.

– Они в таких случаях ужасно придираются, – сочувственно отозвался он.

Она встала и принялась рассматривать книги на полке. Он не спеша последовал за ней.

– Ты любишь Диккенса? – спросила она.

– Очень, – сказал он серьезно.

– А мне он не нравится. Он слишком длинно пишет. Я больше люблю Вальтера Скотта.

– И я люблю Вальтера Скотта, – сказал он.

– Сейчас я тебе назову одну книгу, которая мне очень нравится.

Она замолчала, губы ее приоткрылись. Она силилась вспомнить название книги и подняла руку, словно хотела поймать его в воздухе.

– «Русое божество»! – воскликнула она наконец.

– Да, прекрасная вещь, – одобрил он. – Помнишь, как собираются принести в жертву Аваху?

– Да, и мне это понравилось.

Она взяла с полки «Бен-Гура» и стала неторопливо перелистывать книгу.

– Это тоже замечательный роман.

– Да, чудесный!

Они умолкли. Стелла подошла к окну и остановилась под дешевыми тюлевыми занавесками. Ночь была лунная. Деревья, в два ряда окаймлявшие улицу, стояли голые; трава была бурая, мертвая. Сквозь тонкие ветви, сплетавшиеся в серебряную филигрань, они различали огни ламп в других домах, светившиеся через приспущенные шторы. Человек прошел мимо – в полумраке мелькнула его черная тень.

– Красиво, правда? – сказала она.

Юджин подошел ближе.

– Замечательно, – ответил он.

– Скорей бы настали морозы и можно было кататься на коньках. Ты любишь коньки?

Она повернулась к нему.

– Ну еще бы, – ответил он.

– Ах, как хорошо на катке в лунную ночь. В Молине я много каталась.

– Мы здесь тоже часто катаемся. Ведь у нас тут два озера.

Ему вспомнились ясные хрустальные ночи, когда лед на Зеленом озере трескался с глухим гулом. Вспомнились шумные толпы конькобежцев, далекие тени, звезды. Юджин до сих пор не встречал девушки, с которой было бы приятно кататься. Он ни с одной не чувствовал себя легко. Однажды он упал вместе со своей спутницей, и это чуть не отбило у него охоту

ходить на каток. Со Стеллой ему было бы приятно кататься. Он чувствовал, что и она, пожалуй, охотно будет кататься с ним.

– Когда подморозит, можно будет пойти всем вместе, – осмелился он сказать. – Миртл тоже катается.

– Вот и чудесно! – захлопала в ладоши Стелла.

Она долго, не отрываясь, смотрела в окно, потом вернулась к камину и, задумчиво потупившись, остановилась перед Юджином.

– Как ты думаешь, твой отец не уедет отсюда? – спросил он.

– Он говорит, что нет. Ему здесь нравится.

– А тебе?

– Да... теперь и мне нравится.

– Почему теперь?

– Потому что раньше мне здесь не нравилось.

– Почему?

– Да потому, должно быть, что я никого не знала. А теперь мне нравится.

Она подняла глаза.

Он подошел чуть ближе.

– У нас славный городок, – сказал он, – но мне тут нечего делать. Я думаю в будущем году уехать отсюда.

– Куда же ты поедешь?

– В Чикаго. Я ни за что здесь не останусь.

Она повернулась к огню, а он подошел к ее стулу и оперся на спинку. Она чувствовала, что он стоит совсем близко, но не шевельнулась.

– Но ведь ты вернешься? – спросила она.

– Возможно. Как сложится жизнь. Вероятно, вернусь.

– Вот уж не подумала бы, что ты собираешься так скоро уехать.

– Почему?

– Да ведь ты сказал, что здесь хорошо.

Он ничего не ответил, и она взглянула на него через плечо. Он совсем близко склонился к ней.

– Так ты будешь со мной кататься зимою? – выразительно спросил он.

Она кивнула.

Вошла Миртл.

– О чем вы тут беседуете? – спросила она.

– О том, какое у нас катание на коньках, – ответил Юджин.

– Ужасно люблю кататься! – воскликнула Миртл.

– Я тоже, – сказала Стелла, – что может быть лучше?

Глава II

Некоторые эпизоды последовавшей затем поры влюбленности – несмотря на всю ее мимолетность – оставили глубокий след в душе Юджина. Вскоре выпал снег. Зеленое озеро замерзло, и они со Стеллой стали вместе ходить на каток. Стояли чудесные дни. Морозы держались так долго, что к Миллер-Пойнту, где запасались льдом, приезжали на подводах и выпиливали специальными пилами целые глыбы льда толщиной в фут. После Дня благодарения почти каждый вечер толпы школьников – мальчики и девочки – носились по льду, словно водяные жуки. Юджин не всегда бывал свободен – иногда вечерами и в субботу ему приходилось помогать отцу в магазине. Но каждый свободный вечер Миртл по его просьбе звала Стеллу,

и они все вместе шли кататься. Иногда он приглашал девушку пойти вдвоем, и она нередко соглашалась.

Однажды, катаясь по озеру, они очутились у высокого берега, на склоне которого прилеплась кучка небольших домиков. Взошла луна, и ее льстивые лучи отражались в зеркальной поверхности льда. Сквозь черную гущу окаймлявших берег деревьев желтыми, приветливыми огоньками мерцали окна. Юджин и Стелла, намного опередившие остальных, решили повернуть обратно. Золотистые кудри девушки были скрыты вязаной шапочкой, из-под которой выбивалось несколько колечек; ее фигурку плотно облегал белый шерстяной свитер, доходивший до бедер, и юбка из толстого серого сукна; поверх чулок она надела белые шерстяные гамаша. В этот вечер она была особенно хороша и знала это.

Но когда молодые люди повернули назад, Стелла вскрикнула: у нее развязался конек.

– Подожди, – сказал Юджин, – я сейчас поправлю.

Она остановилась перед ним, а он, опустившись на колени, стал распутывать отстегнувшийся ремешок. Сняв конек, он взглянул вверх, и девушка, улыбаясь, тоже посмотрела на него. Юджин выронил конек и, обхватив ее руками, прижался лицом к серому сукну.

– Нехорошо это, – сказала она.

Однако она не противилась, чувствуя себя прекрасной героиней восхитительной сказки.

Сдернув с Юджина шерстяной шлем, Стелла провела рукой по его волосам. У него чуть не брызнули слезы, так он был счастлив. Вместе с тем это движение разбудило в нем жгучую страсть. Он крепко прижал ее к себе.

– Надень же мне конек, – благоразумно сказала она.

Он поднялся и хотел обнять ее, но она не позволила.

– Нет, нет! Не смей! Не то я с тобой никогда больше не пойду.

– Стелла! – взмолился он.

– Я говорю серьезно, – настаивала она. – Не смей этого делать!

Юджин подчинился, обиженный и немного раздосадованный. Он испугался ее решительного отпора. Ему и в голову не приходило, что она такая недотрога.

Как-то в другой раз несколько школьников устроили катание на санях, и Стелла, Юджин и Миртл получили приглашение. Ночь выдалась звездная, искрился снег, воздух был морозный, бодрящий. Огромный фургон сняли с колес, поставили на полозья, а внутри настлали соломы и накидали целый ворох шуб. За Юджином и Миртл завернули после того, как сани объехали уже с десятков таких домиков. Вскоре добрались и до дома Стеллы.

– Иди сюда! – крикнула ей Миртл, сидевшая далеко впереди брата. Это разозлило его.

– Садись со мной! – позвал он девушку, боясь, что сама она не решится.

Стелла пробралась к Миртл, но, видно, место пришлось ей не по вкусу, и она пересела в глубь саней. Юджин сделал энергичное усилие, чтобы освободить уголок возле себя, и девушка как бы случайно очутилась рядом. Он накинул на нее бизонью доху. Мысль, что Стелла с ним, наполняла его счастьем. Сани, звеня бубенцами, продолжали объезд городка, собирая остальных участников, и наконец вынеслись в поле. Мимо мелькали черные перелески, уснувшие в сугробах, и приникшие к самой земле тесовые фермерские домики, заиндевелившие окна которых изливали тусклый, романтический свет. Ярko горели звезды. Эта картина бесконечно взволновала Юджина: он был страстно влюблен, и тут, рядом с ним, окутанная тенью, в которой слабо выделялось ее лицо, сидела любимая девушка. Он видел ее прелестный профиль, щеки, глаза, пушистые волосы.

Вокруг них болтали, пели, и под шум общего веселья Юджин незаметно обвил рукой талию Стеллы, взял ее руку в свою, заглянул в глубину ее глаз, пытаясь угадать ее мысли. Она всегда вела себя с ним сдержанно, уступая лишь до известного предела. Теперь он несколько раз украдкой поцеловал ее в щеку и раз – в губы, а потом, воспользовавшись минутой, когда

было совсем темно, с силою привлек к себе и запечатлел на ее устах такой долгий, чувственный поцелуй, что она испугалась.

– Не надо, – в волнении отбивалась она, – не смей!..

Он подчинился, чувствуя, что зашел слишком далеко. Но очарование той ночи и красота девушки навсегда остались у него в памяти.

– Неплохо бы пристроить Юджина к газетной работе или к чему-нибудь в этом роде, – заметил как-то Витла-отец в разговоре с женой.

– Да, по-видимому, это – единственное, на что он годится, по крайней мере сейчас, – отозвалась миссис Витла, считавшая, что ее мальчик еще не нашел себя. – Со временем он займется чем-нибудь получше. Ведь ты знаешь, какого он слабого здоровья.

Витла подозревал в душе, что сын его просто ленив, но уверенности в этом у него не было. Он высказал предположение, что Бенджамин С. Берджес, будущий свекор Сильвии, редактор и владелец «Морнинг Эппил», мог бы дать Юджину место репортера или наборщика, чтобы постепенно познакомить его с делом. В «Морнинг Эппил» был, правда, небольшой штат, но мистер Берджес, вероятно, не откажется дать Юджину возможность начать с репортерских заметок – если у него есть к этому способности – либо с наборного дела, либо с того и другого. Однажды, встретившись с Берджесом на улице, Витла-отец вступил с ним в разговор.

– Послушайте, Берджес, не найдется ли у вас в газете местечка для моего сына, а? Он у меня все что-то пишет и воображает, будто и рисует неплохо, хотя его мазня, на мой взгляд, немногого стоит. Надо его куда-нибудь определить. В школе он бездельничает. Он мог бы, например, изучить типографское дело. Ему будет только полезно начать с азов, если явится потом охота пойти по этой части. Сколько вы ему положите для начала, неважно.

Берджес подумал. Юджин попадался ему на улице. Ничего дурного он про него не слышал, разве только, что парень витает в облаках и держится букой.

– Пришлите его как-нибудь ко мне, – ответил он уклончиво. – Возможно, я что-нибудь для него и придумаю.

– Я был бы вам очень признателен, – сказал Витла. – А то он меня беспокоит.

На этом они расстались. Дома Витла рассказал Юджину об этой встрече.

– Берджес говорит, что мог бы взять тебя наборщиком или репортером в «Морнинг Эппил». Загляни к нему на этих днях, – сказал он сыну, который сидел у лампы и читал.

– Вот как? – спокойно отозвался Юджин. – Гм! Ну какой я репортер! Наборщиком я бы еще, пожалуй, мог быть. Это ты к нему обратился?

– Да, – сказал Витла. – А все-таки наведайся туда как-нибудь.

Юджин прикусил губу. Он понимал, что это намек на его склонность к безделью. Успехи его, и правда, были не очень-то велики. Но все же профессия наборщика – не блестящая карьера для человека с его запросами.

– Ну что ж, – решил он, – когда кончу учение.

– Лучше поговори с ним до окончания школы. А то как бы кто-нибудь другой не опередил тебя. А ведь тебе невредно было бы испытать себя на такой работе.

– Поговорю, – послушно сказал Юджин.

И вот в конце солнечного апрельского дня он вошел в контору мистера Берджеса. Она помещалась в нижнем этаже трехэтажного здания газеты на городской площади. Мистер Берджес, заметно лысеющий толстяк, испытующе посмотрел на Юджина поверх очков в стальной оправе. В его жидких волосах пробивалась седина.

– Так вы не прочь поработать в газете? – спросил он юношу.

– Да, я хотел попробовать себя в этом деле, – ответил Юджин, – посмотреть, не придется ли оно мне по душе.

– Я могу вам сказать наперед, что в нем мало интересного. Ваш отец говорил мне, что вы пишете.

– Мне бы очень хотелось писать, но едва ли я справлюсь. Я охотно изучил бы типографское дело. А со временем, быть может, начну и писать, если у меня что-нибудь получится.

– Когда же вы могли бы приступить?

– Как только кончатся занятия в школе, если вы не возражаете.

– Пожалуйста. Мне, в сущности, никто не нужен, но я подыщу вам дело. Пять долларов в неделю вас устроит?

– Вполне, сэр.

– Ну, тогда приходите, как только освободитесь. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Движением пухлой руки он отпустил будущего наборщика и повернулся к облупленному столу темного орехового дерева, заваленному газетами и освещенному электрической лампой под зеленым абажуром. Юджин вышел, унося с собой запах свежей типографской краски и не менее въедливый запах еще не просохших газет. «Интересно попробовать, – подумал он, – но, возможно, это будет для меня напрасной тратой времени». Юджин был не слишком высокого мнения об Александрии. Когда-нибудь он отсюда выберется.

Редакция «Морнинг Эппил» ничем не отличалась от редакции всякой другой провинциальной газеты в любой точке земного шара. В первом этаже, окнами на улицу, находилась контора, а позади нее – печатный цех, где стоял единственный большой плоский пресс и печатные машины. Во втором этаже была расположена наборная с кассами для шрифта на высоких стеллажах, так как «Морнинг Эппил», как и большинство провинциальных газет, набиралась еще вручную; там же, по фасаду, помещался обшарпанный кабинет редактора, заведующего издательством и заведующего отделом городской хроники – ибо все трое были представлены в газете одним и тем же лицом: это был некто мистер Калев Уильямс, которого Берджес откопал много лет назад неизвестно где. Уильямс был небольшого роста, тощий, жилистый человек, с острой черной бородкой и стеклянным глазом, который как-то странно смотрел на собеседника своим черным зрачком. Необыкновенно подвижный и разговорчивый, всегда в зеленом козырьке, низко надвинутом на лоб, с коротенькой терновой трубкой в зубах, Уильямс искусно управлялся со своими разнообразными делами и обязанностями. У него была бездна всяких познаний, накопленных за долгие годы газетной работы в столице. После бесконечных странствий по бурному житейскому морю он с женой и тремя детьми бросил, наконец, якорь в Александрии; закончив рабочий день, он бывал рад поговорить с кем угодно о жизни вообще и о своей в частности. С восьми утра до двух пополудни он занимался тем, что собирал скудные городские новости и либо сам писал заметки, либо редактировал. По округе у него был разбросан целый штат корреспондентов, которые раз в неделю присылали ему местные новости. Кое-чем снабжало его и агентство «Ассошиэтед пресс», а к тому же выручали две страницы стандартного приложения, на которых читатель находил рассказы, хозяйственные советы, медицинские объявления и прочее. Большую часть материала Уильямс пускал в печать не редактируя.

– В Чикаго мы уделяли всему этому много внимания, – рассказывал он всякому, кто попадался под руку, – но здесь с этим возиться не приходится. Да наш читатель, в сущности, и не требует этого. Он ждет от газеты прежде всего местных новостей. А за этим я слежу очень внимательно.

Отделом объявлений ведал сам мистер Берджес. Мало того, он сам добывал объявления и следил, чтобы они были набраны сообразно с желаниями клиента и должным образом помещены, – в зависимости от того, как позволял газетный материал, и в соответствии с правами и притязаниями других клиентов. На нем держалась вся газета, он вел ее дела, и он же определял направление. Иногда он писал передовицы или же совместно с Уильямсом решал, в каком духе они должны быть написаны, принимал посетителей, приходивших в редакцию, и улажи-

вал возникавшие трудности. Мистер Берджес предоставил себя и свою газету в полное распоряжение местных заправил республиканской партии, и это казалось вполне естественным, так как он сам был республиканцем по склонностям и темпераменту. Однажды ему даже предложили должность почтмейстера (в вознаграждение за кое-какие услуги), но он от нее отказался, потому что газета давала ему больше дохода, чем мог принести этот новый пост. К нему попадали все объявления по городу и округе, какие только могли ему доставить руководители республиканской партии, и таким образом он вполне преуспевал. Уильямс знал кое-что о сложных махинациях, в которые вовлекали Берджеса его политические связи. Но это несколько не тревожило прилежного труженика. Он рассуждал так: «Мне надо прокормить пять ртов, и этого с меня вполне довольно. Зачем мне соваться в чужие дела?» Таким образом, в редакции царил спокойная, деловая и, можно сказать, даже приятная атмосфера. Работать здесь было одно удовольствие.

На Юджина, попавшего сюда прямо со школьной скамьи, когда ему едва минуло семнадцать лет, самое сильное впечатление произвел мистер Уильямс. Этот человек ему решительно нравился. Со временем он подружился также и с Джоном Лайлом, работавшим за главной наборной кассой, и с неким Джоном Саммерсом, приходившим не регулярно, а лишь в тех случаях, когда поступал какой-нибудь экстренный типографский заказ. Юджин очень скоро узнал, что Джон Саммерс, седой молчаливый человек лет пятидесяти пяти, болен туберкулезом и сильно пьет. Он в самые различные часы украдкой исчезал из типографии минут на десять – пятнадцать. Все делали вид, будто ничего не замечают, потому что здесь никто никого не понукал. С работой так или иначе справлялись.

Джонас Лайл был более интересный тип. Лет на десять моложе Саммерса и гораздо здоровей его и крепче, он тоже был примечательная личность. Флегматичный по натуре, он кое-что прочитал на своем веку и любил пофилософствовать. Как вскоре узнал Юджин, Лайл успел поработать во всех концах Соединенных Штатов – в Денвере, Портленде, Сент-Поле, Сент-Луисе, где хотите, – и любил порассказать о своих бывших хозяевах. Стоило ему встретить в печати сколько-нибудь выдающееся имя, как он тотчас шел с газетой к Уильямсу, – а позднее, когда они ближе познакомились, к Юджину, – и говорил: «Я знал этого парня, когда жил там-то... Он был почтмейстером (или кем-либо еще) в N. А смотрите, как в гору пошел!» В большинстве случаев он не был лично знаком с этими знаменитостями, но слышал про них, и отголоски их славы, донесшиеся до этого глухого захолустья, действовали на его воображение. В горячие часы он помогал Уильямсу править корректуру, был хорошим наборщиком и вообще честно исполнял свои обязанности. Но успеха в этом мире он не добился, так как был всего-навсего безотказным орудием в чужих руках. Юджин понял это с первого взгляда.

Вот этот-то Лайл и научил Юджина наборному делу. Он в первый же день показал ему, как устроены «гнезда», или «карманы», в кассах для шрифта, как размещены буквы, чтобы одни были ближе под рукой, чем другие, объяснил, почему некоторых букв дается больше и почему в одних газетах в определенных случаях употребляются прописные буквы, а в других – нет.

– Вот в Чикаго, когда я работал в «Трибюн», мы обычно выделяли курсивом названия церквей, пароходов, книг, гостиниц и всего прочего в этом роде, – рассказывал он. – Сколько знаю, больше ни в одной газете так не делают.

Вскоре Юджин узнал, что такое шпоны, гранки, верстатки; узнал, что пальцы постепенно приучаются определять по весу характер шрифта; что, как только приобретаешь известный навык, буквы почти механически ложатся обратно в свои гнезда и об этом даже не думаешь; все это Лайл словоохотливо сообщил своему ученику. Он требовал от него серьезного отношения к предмету, и Юджин, уважавший всякое знание, выслушивал его вдумчиво и внимательно. Юджин еще не представлял себе, чем ему хотелось бы заняться, зато он чувствовал, что хочет знать все. И хотя он и убедился вскоре, что не желает быть ни наборщиком, ни репортером,

ни вообще кем-либо, причастным к провинциальной газете, все же некоторое время типография представляла для него интерес, так как он изучал здесь жизнь. И он весело работал за своим реалом, с улыбкой глядя на мир, расстилавшийся за открытым окном, читал какие-то забавные обрывки заметок, статей или местных объявлений – по мере того, как набирал их, – и думал о чудесах, которые мир держит в запасе для него, Юджина. В ту пору у него не было еще того огромного честолюбия, которое пробудилось впоследствии, но он был преисполнен надежд, хотя и не вовсе чужд меланхолии. Он видел в окно знакомых юношей и девушек, которые прохаживались без дела по улице или стояли на перекрестке; видел, как Тэд Мартинвуд разъезжает по городу в отцовском шарабане, как Джордж Андерсон слоняется по тротуару с видом человека, которому никогда не придется работать (его отцу принадлежала единственная в городе гостиница). В голове Юджина часто мелькали мысли о рыбной ловле, о катании на лодке и о том, как приятно было бы посидеть где-нибудь на траве с хорошенькой девушкой, но, увы, девушек, по-видимому, не особенно влекло к нему. Он был слишком робок. Порой он задумывался о том, как хорошо, вероятно, быть богатым. И мечтал.

Юджин был в том возрасте, когда хочется выражать свои чувства в пылких фразах. Но это был также возраст, когда застенчивость принуждает к сдержанности, хотя бы вы и были влюблены и обладали страстной натурой. То, что он говорил Стелле, казалось ему скучным и пошлым, и он больше вздохами выражал свои чувства. Но девушка тяготилась вздохами и предпочитала им пошлые излияния. Она уже тогда начала подумывать, что он немного странный, какой-то «взвинченный». Тем не менее он ей нравился. В городе стали считать, что Стелла его девушка. В маленьких городах и деревнях такие парочки – обычное явление среди школьников. Их видели всюду вместе. Отец подтрунивал над Юджином. Родители же Стеллы считали, что это просто детское увлечение и не столько с ее стороны (они знали, что их дочь не слишком интересуется мальчиками и не придает большого значения их чувствам), сколько со стороны Юджина. Они думали, что его сентиментальность скоро начнет тяготить Стеллу. Так оно и случилось.

Однажды на вечеринке, устроенной школьницами старших классов, затеяли игру в «деревенскую почту». Это одна из тех игр, в которых все сводится к поцелуям. Играющим задают вопросы, и с того, кто не ответил, берут фант. Тот, чей фант вынут, становится почтмейстером и вызывает кого-нибудь «за почтой». А это значит, что вы идете в темную комнату, где вас целует тот или та, кто вам нравится или кому нравитесь вы. Почтмейстеру дано право или власть – называйте как хотите – вызвать кого ему угодно.

На этот раз водить пришлось Стелле, которая попала раньше Юджина. Первая ее мысль была о нем, но оттого ли, что это делалось в открытую, или оттого, что ее втайне беспокоила порывистость Юджина, она назвала имя Харви Раттера. Харви был красивый мальчик, Стелла познакомилась с ним недавно, уже после встречи с Юджином. Она не была им увлечена, но он ей нравился, и юная кокетка была не прочь узнать его поближе. Сейчас ей представлялся удобный случай.

Польщенный Харви побежал на ее зов, и Юджина охватила бешеная ревность. Он не мог понять, почему Стелла так обращается с ним. Когда наступил его черед, он вызвал Бертю Шумейкер, тоже прехорошенькую девушку, которая ему нравилась, но которая, по его мнению, не могла сравниться со Стеллой. Для него было мукой целовать ее, тогда как он мечтал о другой. Когда он вышел, Стелла прочла в его глазах обиду, но притворилась, что ничего не замечает. А между тем, несмотря на деланную веселость, его вялый и понурый вид бросился всем в глаза.

Потом Стелла опять проштрафилась, и на этот раз вызвала Юджина. Он пошел, но обида еще кипела в нем. Ему захотелось наказать ее. Когда они встретились в темноте, она ожидала, что он обнимет ее, и уже вскинула руки ему на плечи, но он только сжал ее пальчики, и едва коснулся губ холодным поцелуем. Если бы он сказал: «Зачем ты это сделала?» – если бы при-

влек ее к себе и попросил не играть его чувствами так жестоко, их дружба была бы спасена. Но Юджин ничего этого не сделал. Тогда в девушке вспыхнула досада, и она с задорным видом вышла из комнаты. Молодые люди сторонились друг друга до конца вечеринки, но он все же пошел проводить ее домой.

– Ты сегодня, кажется, в плохом настроении, – заметила Стелла, после того как они в полном молчании прошли два квартала.

Улицы утопали во мраке, и их шаги по выложенному кирпичом тротуару гулко отдавались в ночной тишине.

– Нет, почему же. Я чувствую себя прекрасно, – угрюмо ответил он.

– У Веймеров было, по-моему, очень мило. Там всегда ужасно весело.

– Да, необычайно весело! – презрительно отозвался он.

– Не будь ты таким злокой! – рассердилась она. – У тебя нет никаких причин дуться на меня!

– Ты думаешь?

– Да, никаких.

– Что ж, тебе видней. Но я смотрю иначе.

– Ну, знаешь, мне совершенно безразлично, как ты на это смотришь.

– Вот как?

– Да, так! – Девушка сердито вздернула головку.

– Ну, а мне тем более безразлично!

Снова наступило молчание, которое длилось почти до самого ее дома.

– Ты будешь на балу в четверг? – спросил Юджин.

Он имел в виду вечер, который устраивала методистская церковь. Само по себе это празднество ничуть его не интересовало, но оно давало ему возможность увидеться со Стеллой и проводить ее домой. Он задал ей этот вопрос, испугавшись нависшего над ними разрыва.

– Нет, – сказала она. – Едва ли.

– Почему?

– Не хочется.

– Какая ты злая! – упрекнул он ее.

– Ну и прекрасно! – ответила она. – А по-моему, ты слишком любишь командовать. И по правде сказать, ты не очень мне нравишься.

Сердце его зловеще сжалось.

– Делай как знаешь, – сказал он упрямо.

Они дошли до ее калитки. Здесь они обычно целовались в тени и Юджин крепко прижимал к себе Стеллу, невзирая на ее протесты. Он и сейчас с нетерпением ждал этой минуты, но девушка предупредила его. Едва поравнявшись с калиткой, она быстро открыла ее и юркнула в палисадник.

– Спокойной ночи! – крикнула она оттуда.

– Спокойной ночи! – сказал он и, когда она уже дошла до двери, позвал: – Стелла!

Входная дверь открылась, и девушка проскользнула в дом. Юджин растерянно стоял в темноте, огорченный, раздосадованный, подавленный. Как же теперь быть? Он медленно поплелся домой, думая о том, что лучше: не замечать ее, избегать, пока она сама не вернется к нему, или же добиваться встречи и решительного объяснения? Стелла была права: Юджин так и уснул с этой мыслью, и она не покидала его весь следующий день.

Юджин делал довольно быстрые успехи в наборном деле. Готовясь к будущей своей профессии, он пробовал свои силы в репортерском ремесле, работая прилежно и с интересом. Нередко он делал из окна зарисовки, хотя с тех пор, как у них вышла размолвка со Стеллой, занимался этим без обычного увлечения. Ему нравилось приходить в типографию, надевать фартук и приниматься за набор какой-нибудь заметки местного корреспондента, зале-

жавшейся со вчерашнего дня, или телеграммы, только что наколотой на крючок возле его кассы. Уильямс пробовал давать ему репортерские поручения для отдела местной хроники, но Юджин был медлителен и не выказывал способностей по этой части.

Когда ему предлагали взять у кого-нибудь интервью, он возвращался в редакцию с материалом, который нуждался в пополнении из других источников. Сколько ни бился с ним Уильямс, Юджин, в сущности, так и не постиг тех требований, какие предъявляет газета, и большей частью работал за своей кассой. И все же кое-чему он научился.

Взять хотя бы то, что он начал разбираться в существе рекламного дела. Местные торговцы изо дня в день помещали одни и те же объявления, и текст их почти не менялся. Юджин видел, как Лайл и Саммерс брали старые рекламы, которые месяцами печатались без всяких изменений, и, выправив одно-два слова, снова сдавали в цинкографию. Юджина удивляла эта косность, и, когда они наконец попадали к нему на просмотр, у него часто являлось желание переделать их – таким суконным языком они были написаны.

– Почему бы не давать к объявлениям маленьких рисунков? – спросил он однажды Лайла. – Вы не находите, что они очень выиграли бы?

– Гм! Право, не знаю, – ответил Лайл. – По-моему, и так сойдет. Здешней публике не понравилось бы такое новшество. Читатели скажут, что это несолидно.

Юджин присматривался к журнальной рекламе и находил ее несравненно эффектнее. Почему бы не изменить и газетную?

Но никто здесь, по-видимому, не нуждался в его советах. С клиентами имел дело сам мистер Берджес. Это он решал, каким должно быть объявление. Он никогда не советовался ни с Юджином, ни с Саммерсом и редко даже с Лайлом. Лишь иногда Уильямс по его требованию давал им предварительные указания.

Юджин был еще так молод, что вначале Уильямс не обращал на него внимания, но потом, приглядевшись к юноше поближе, стал охотно объяснять ему то одно, то другое: почему некоторые заметки должны быть краткими, а некоторые – пространными; почему сообщения, касающиеся их округа – городишек вокруг Александрии и их обитателей, – имеют для газеты с финансовой точки зрения гораздо большее значение, чем самый достоверный отчет о смерти турецкого султана. А всего важнее, говорил он, следить за тем, чтобы в имена и фамилии местных жителей не вкрались опечатки.

– Упаси вас бог неправильно набрать их, – сказал он однажды Юджину. – А особенно следите за инициалами. Люди на этот счет очень чувствительны. Если вы не будете осторожны, мы рискуем растерять всех подписчиков, а потом поди разберись, как это случилось.

Юджин старался все запомнить. Ему интересно было вникнуть в механику дела, хотя в глубине души он находил все это мелким. Да и люди казались ему мелкими, по крайней мере, большинство людей.

Но кое-что в типографском деле интересовало его. Он любил смотреть, как в машину закладывают бумагу и как она потом работает, любил помогать при заключке форм и наблюдать за тем, как ложатся друг на друга газетные оттиски и отсчитываются готовые листы. Он любил прислушиваться к ходу машины и вместе с другими переносить еще влажные кипы газет в экспедицию и к сортировочному столу. «Морнинг Эппил» выходила не очень большим тиражом, но в момент выпуска типография оживала, и это нравилось Юджину. Ему нравилось, что руки и лицо у него в чернилах и краске и что это его не смущает, нравилось видеть в зеркале свою всклокоченную шевелюру. Он старался быть полезным где только мог, и работники газеты полюбили его, хотя иногда он раздражал их своей неловкостью и медлительностью. Здоровье его в то время было не из крепких, он часто страдал желудком. Иногда у него мелькала мысль, что воздух типографии вреден для его легких, но серьезного значения он этому не придавал.

Однако сколько ни радовался Юджин новым впечатлениям, этот мирок казался ему тесным. За пределами редакции был несравненно больший простор. Он это знал. И на этот простор он рассчитывал когда-нибудь выбраться. Он надеялся уехать в Чикаго.

Глава III

По мере того как Стелла проявляла все большую независимость, Юджином все сильнее овладевала хандра. Но эти его настроения только расхолаживали девушку. Немалую роль играл и успех, которым она пользовалась у других молодых людей, а то, что один из них, а именно добродушный, покладистый Харви Раттер, был и красивее Юджина и выгодно отличался от него приятным неназойливым нравом, сыграло, пожалуй, решающую роль. Юджин иногда встречал их вместе – Стелла ходила на каток с ним вдвоем или с компанией молодежи, где был и Харви. Юджин возненавидел его всей душой. Порою он ненавидел и Стеллу за то, что она не подчинилась его воле. Но ее красота по-прежнему сводила его с ума. Стелла помогла ему создать себе идеал женщины. Теперь он знал, что такое женская красота.

Настало время задуматься и над своим положением. До сих пор он всецело зависел, в отношении питания, одежды и карманных денег, от родителей, которые были не слишком щедры. Он знал мальчиков, которые могли себе позволить увеселительную поездку в Чикаго или Спрингфилд (последний был расположен ближе к Александрии) на субботу и воскресенье. Юджину эти развлечения были недоступны. Отец не разрешил бы ему, вернее, не дал бы денег. Другие мальчики благодаря щедрости родителей слыли первыми щеголями в городе. Юджин наблюдал по воскресеньям, а иногда и в будние дни, как они, готовясь куда-нибудь идти, прохаживались возле книжного магазина, где обычно гуляло местное «общество», одетые с такой изысканностью, о какой он не смел и мечтать. Тэт Мартинвуд, сын крупнейшего в городе торговца мануфактурой, сшил себе сюртук; он иногда заходил в нем к парикмахеру побриться, перед тем как идти к своей девушке. У Джорджа Андерсона имелась даже фрачная пара и лакированные туфли, в которых он щеголял на всех балах. Эд Уотербери разъезжал по городу в собственном экипаже. Правда, все эти юноши были немного старше Юджина и их интересовали взрослые девушки, но это не меняло дела. И Юджин страдал.

Для себя он не видел возможности разбогатеть. Отец его никогда не будет богат, это было всякому ясно. Сам Юджин не вынес из школы никаких практических знаний. Он ненавидел страховое дело – всю эту писанину и погоню за клиентами, презирал торговлю швейными машинами, но и не возлагал никаких надежд на то, что со временем ему удастся стать писателем или художником. Все, что он рисовал, казалось ему просто баловством, а то, что писал, – вернее, пытался писать, – казалось лишенным всякого значения и смысла. В эту пору Юджин часто с горечью размышлял о своем будущем.

Как-то Уильямс, давно уже приглядывавшийся к юноше, остановился у его реала.

– Послушайте, Витла, почему бы вам не уехать в Чикаго? – сказал он. – Там гораздо больше возможностей для такого парня, как вы. Работая в провинциальной газете, вы никогда ничего не добьетесь.

– Я знаю, – ответил Юджин.

– На меня вы не смотрите, – продолжал Уильямс, – я достаточно покружил по свету. У меня жена и трое детей, а когда у человека семья, он не имеет права рисковать. Вы же молоды. Почему бы вам не уехать в Чикаго и не поступить в какую-нибудь газету? Вы там легко устроитесь.

– Кем, например? – спросил Юджин.

– Да хотя бы наборщиком, если вступите в союз. Не знаю, выйдет ли из вас хороший репортер, – по-моему, это не ваше призвание, но вам надо учиться рисовать. Художники в газете недурно зарабатывают.

Юджин с горечью подумал о своем даровании художника. Немногого он стоит. Немногого он достиг. Все же он стал помышлять о Чикаго. Широкий мир манил его. Только бы выбраться отсюда, только бы найти приличный заработок, а не получать какие-то семь-восемь долларов в неделю! Это постоянно занимало его мысли.

Однажды в воскресенье он вместе с Миртл и Стеллой отправился навестить Сильвию; Стелла вскоре стала собираться домой, говоря, что мать будет беспокоиться. Миртл хотела было уйти вместе с ней, но сестра упростила ее дожидаться чая.

– Пусть Юджин проводит Стеллу домой, – сказала Сильвия.

Юджин был в восторге. Неисправимый упрямец, он еще надеялся вернуть любовь Стеллы. Когда они очутились на улице, где уже пахло весной, он решил, что это удобный случай сказать девушке что-то такое, что вернуло бы ее к нему.

Они вышли на окраину города, где жила Стелла, и девушка уже хотела свернуть в своей переулок, но Юджин удержал ее.

– Ну, побудь со мной немного. Разве тебе так уж обязательно надо домой? – стал он упрашивать.

– Нет, я могу еще погулять, – ответила она.

Беседуя, они вышли за черту города; последний дом остался позади. Поддерживать разговор становилось все труднее. Прилагая все усилия к тому, чтобы быть занимательным, Юджин поднял с земли три прутика, намереваясь показать ей фокус, основанный на законе равновесия. Надо было два прутика сложить под прямым углом, а третьим поддерживать их в воздухе. Стелла не пожелала и пробовать. Ее это не занимало. Но Юджин настаивал, и, когда она согласилась, он взял ее за правую руку, чтобы помочь.

– Не надо, – сказала она, отдергивая руку. – Я сама!

Но она безуспешно возилась с прутиками и хотела уже бросить их, когда он взял обе ее руки в свои. Это произошло так внезапно, что Стелла не смогла высвободиться и невольно посмотрела ему в глаза.

– Оставь, Юджин. Пожалуйста, отпусти мои руки.

Он отрицательно покачал головой, глядя на нее в упор.

– Прошу тебя, отпусти, – повторила она. – Не смей этого делать. Я не хочу.

– Почему?

– Потому!

– Почему все-таки?

– Ну, просто не хочу!

– Я в самом деле больше не нравлюсь тебе? – спросил он.

– Нет, не нравишься... во всяком случае не так...

– А раньше нравился?

– Мне казалось, что да.

– Значит, ты ко мне переменилась?

– Да, если хочешь, переменилась.

Он отпустил ее руки и впился в нее трагическим взглядом. Но это на нее не подействовало. Они медленно повернули назад, к городу. У ее калитки он сказал:

– Что ж, видно, мне не стоит больше и приходить к тебе.

– Да, не стоит, – просто сказала она.

Она вошла в дом, ни разу не оглянувшись, а Юджин, вместо того чтобы вернуться к сестре, отправился домой. Ему было очень тяжело, и, посидев немного в гостиной, он ушел в свою комнату. Стемнело, а он все сидел и смотрел из окна на деревья и горевал о своей утрате. Должно быть, он недостаточно хорош для Стеллы, раз не мог добиться ее любви. Но в чем же причина? То ли он недостаточно красив (Юджин и в самом деле не считал себя красивым), то ли недостаточно силен и смел?

Он заметил, что луна висит над деревьями, как яркий щит. Два слоя легких облаков плыли навстречу друг другу на разной высоте. Юджин оторвался от своих мыслей и стал думать о том, откуда взялись эти облака. В солнечные дни, когда тучки бесконечными флотилиями плывут по небу, они тают прямо на глазах, а потом – о чудо из чудес! – снова появляются неизвестно откуда. Когда Юджин впервые обратил на это внимание, он был немало удивлен – тогда он еще понятия не имел, что такое облака. Потом он прочел об этом в учебнике физической географии. Сегодня ему вспомнились и эти облака, и бескрайние равнины, над которыми они проносятся, и трава, и деревья – бесконечные леса, что тянутся на много миль. Как чудесен мир! Ведь именно о таких вещах писали поэты – Лонгфелло, Брайант и Теннисон. Юджину вспомнились «Танатопсис» и «Элегия» – его любимые поэмы. Что же это такое – жизнь?

С болью в сердце вернулся он к мысли о Стелле. Она окончательно ушла от него, – она, такая прекрасная! Никогда больше они не будут разговаривать. Никогда не держать ему ее рук, не целовать ее. О, этот вечер на катке, и тот, другой вечер, в санях! Как это было прекрасно! Он разделся и лег в постель. Ему хотелось быть одному, отдаться своей тоске. Юджин лежал на белой подушке и грезил о том, что могло бы быть, – о поцелуях, ласках, о тысяче радостей.

Как-то в воскресенье, валяясь в гамаке и размышляя о том, какой Александрия скучный город, Юджин развернул субботний номер чикагской газеты (это был в сущности воскресный номер, так как в воскресенье газета не выходила) и стал от скуки ее просматривать. Газета, как всегда, была исполнена для него неотразимого интереса, чудеса большого города притягивали его, точно магнит. Вот большой отель, который кто-то собирается выстроить; вот портрет знаменитого пианиста, приезжающего в Чикаго на гастроли; дальше – рецензия на новую комедию; описание романтического уголка на Гусином острове, раскинувшемся посредине реки Чикаго, – старые баржи служили здесь жилищем, и между ними вперевалку бродили гуси. Внимание Юджина привлекла заметка о человеке, провалившемся в угольный люк на Южной Холстед-стрит. Это произошло в доме номер шесть тысяч двести с чем-то, – он и не представлял себе, что существуют такие длинные улицы. Какой это, должно быть, гигантский город. Мысль о мчащихся по мостовым вагонам конки, о толпах народа, о поездах до боли взволновала его, как манящий призыв.

Это чудо, эта красота, вся эта жизнь неотразимо влекли его к себе.

«Уеду в Чикаго!» – мысленно решил он и поднялся.

Вот перед ним родной дом, уютный, тихий. А в нем – мать, отец, Миртл. Но он уедет. Ничто не мешает ему вернуться обратно, если он захочет.

«Конечно, я могу вернуться», – произнес он про себя.

Словно движимый какой-то неодолимой силой, Юджин вошел в дом, поднялся к себе и достал маленький саквояж. Он сложил туда вещи, которые могли понадобиться ему в первую очередь. В кармане у него было девять долларов – с некоторых пор он копил деньги. Он спустился вниз и остановился в дверях гостиной.

– Что случилось? – спросила мать, глядя на его серьезное лицо, говорившее о внутренней борьбе.

– Я еду в Чикаго, – сказал он.

– Когда? – спросила она пораженная, не зная, что и думать.

– Сегодня, – ответил он.

– Не может быть! Ты шутишь! – воскликнула мать.

Она недоверчиво улыбалась. Конечно, это только мальчишеская выходка, не больше.

– Я еду сегодня же, – сказал он. – И хочу поспеть к четырехчасовому поезду.

Теперь на лице матери появилась тревога.

– Быть не может, – повторила она.

– Ведь я в любое время могу вернуться, если захочу, – сказал Юджин. – Пора мне поискать себе другое занятие.

Вошел отец. У него была маленькая мастерская в сарае, где он иногда чистил машины и чинил фургоны. Он все утро копался там.

– Что случилось? – спросил он, увидев их взволнованные лица.

– Юджин уезжает в Чикаго.

– Это когда же? – иронически спросил отец.

– Сегодня. Он говорит, что едет сейчас.

– Ты это, надеюсь, не всерьез? – сказал пораженный Витла. Он ушам своим не верил. – Что это тебе загорелось? Такой шаг надо хорошенько обдумать! На какие же средства ты будешь там жить?

– Проживу как-нибудь, – сказал Юджин. – Я еду. Хватит с меня Александрии. Я хочу выбраться отсюда.

– Ну что ж, – сказал отец, веривший в инициативу. Оказывается, он плохо знал своего сына. – Ты уложил чемодан?

– Нет, пусть мама вышлет мне вещи.

– Не уезжай сегодня, – стала упрашивать миссис Витла. – Подожди, Юджин, пока у тебя будет хоть что-нибудь на примете. Это слишком серьезный шаг. Подожди до завтра.

– Я поеду сегодня, мама. – Он обнял ее одной рукой. – Мамочка!..

Он был уже сейчас выше ее ростом и продолжал расти.

– Хорошо, Юджин, – тихо сказала она. – Но напрасно ты уезжаешь.

Ее мальчик покидал ее – сердце матери обливало кровью.

– Я всегда могу вернуться. Ведь это всего лишь сотня миль.

– Что ж, поезжай, – сказала она наконец, стараясь держаться бодро. – Я уложу твой сак-вояж.

– Я уже все уложил.

Она пошла проверить.

– Ну что ж, скоро пора ехать, – сказал Витла, думавший, что Юджин еще колеблется. – Очень жаль. Хотя это, разумеется, пойдет тебе на пользу. Во всяком случае ты знаешь, что здесь тебе всегда будут рады.

– Знаю, – сказал Юджин.

Они отправились к поезду все вместе – Юджин, отец и Миртл. Мать не пошла с ними. Она осталась дома плакать.

По дороге на вокзал они зашли к Сильвии.

– Что ты, Юджин! – воскликнула она. – Что за странная фантазия! Не надо ехать!

– Он твердо решил, – сказал Витла.

Наконец Юджин вырывался на свободу. Любовь, семья, все близкое, родное крепко держало его в своих объятиях, и с каждым шагом он словно рвал эти узы. Они добрались до вокзала. Подошел поезд. Отец ласково и крепко пожал сыну руку.

– Будь молодцом, – сказал он и судорожно глотнул.

Миртл поцеловала брата.

– Какой ты чудила, Юджин! Пиши мне.

– Ладно.

Он поднялся в вагон. Прозвонил звонок, и поезд тронулся. Юджин смотрел на знакомые места, и боль, настоящая боль сжала его сердце... Стелла, мать, отец, Миртл, их милый домик... Все это уходило из его жизни.

– Гм-м! – чуть ли не застонал он, прочищая горло. – Черт побери!

Он откинулся на спинку скамьи и заставил себя ни о чем не думать. Он должен пробить себе дорогу. Это и есть жизнь. И это должно быть его целью. Он добьется своего.

Глава IV

Чикаго – кто его опишет! Кто опишет этот гигантский муравейник, выросший словно по мановению жезла на гнилых болотах приозерья! На целые мили протянулись мрачные домишки, на целые мили ушли вперед улицы с торцовыми мостовыми, газовыми фонарями, водопроводными магистралями и пустынными деревянными тротуарами, по которым скоро заснут толпы прохожих. Стук сотен тысяч молотков, звонкие удары зубил в руках каменщиков! Длинные, смыкающиеся вдаль ряды телеграфных мачт; тысячи и тысячи стоящих вразброс, словно часовые, домиков, заводов, устремленных ввысь фабричных труб, и среди них вдруг одинокая невзрачная церковка, смиренно приткнувшаяся на голом пустыре. Нетронутая целина прерии с выгоревшей на солнце травой. Широкие железнодорожные насыпи, по которым ползут стальные пути – десять, пятнадцать, двадцать, тридцать в ряд, – униженные, словно бусинками, тысячами и тысячами грязных вагонов. Громяхающие паровозы, бегущие поезда, люди у переездов – пешеходы, возчики, кучера, подводы с пивом, платформы с углем, кирпичом, камнем, песком – зрелище новой, неприкрашенной, неукротимой жизни!

По мере приближения к Чикаго Юджин начинал все больше и больше понимать существо и значение огромного города. Какими невнятными казались ему теперь слабые газетные отголоски по сравнению с этой яркой, красноречивой, полнокровной жизнью! Перед ним раскрывался новый мир – мощный, влекущий, совсем особенный. Когда поезд стал подъезжать к городу, внимание юноши привлекла красивая пригородная станция – такой он еще никогда не видел. Никогда не приходилось ему видеть и такого скопления рабочих-иностранцев – целые толпы литовцев, поляков, чехов дожидались пригородного поезда. Никогда он не видел и настоящего большого завода, а здесь они вырастали перед ним один за другим – сталелитейные, фаянсовые, мыловаренные, чугунолитейные заводы, мрачные и неприступные на фоне вечеряющего неба. Несмотря на воскресенье, что-то юное, энергичное, оживленное чувствовалось в атмосфере этих улиц. С интересом смотрел Юджин на конки, ожидавшие пассажиров. В одном месте переправа через реку производилась на канатном пароме; это была грязная, неприглядная речонка, но во всю ее ширь теснилось множество судов, а по обоим берегам тянулись огромные амбары, зерновые элеваторы, угольные склады – архитектура насущных нужд большого города. Воображение Юджина разыгралось. Как хорошо было бы передать эту картину в черных тонах, лишь кое-где тронув красным или зеленым огни вдоль мостов и на судах. В некоторых журналах художники делают такие вещи, но у них это получается недостаточно живописно.

Поезд, пробираясь среди длинных составов, подошел к бесконечной крытой платформе, где под гигантской выпуклой крышей из стекла и стали шипело штук двадцать дуговых фонарей. Толпы людей сновали взад и вперед, пытели паровозы, гулко звонили колокола.

У Юджина не было в этом городе ни родных, ни знакомых – никого, к кому он мог бы обратиться, но он не испытывал одиночества. Новая, невиданная картина жизни захватила его целиком. Он вышел из вагона и неторопливым шагом направился к выходу, гадая, куда идти. На углу, в свете зажженного фонаря, ему бросилась в глаза досочка с надписью «Мэдисон-стрит». Он взглянул вдоль улицы: по обе стороны ее, уходя вдаль, выстроились магазины, тащились конки, торопливо сновали пешеходы. «Какое зрелище!» – мелькнуло у него в голове, и он повернул на запад. Погруженный в размышления, прошел он мили три, и только когда совсем стемнело, спохватился, что не позаботился о еде и ночлеге. Добродушный толстяк, сидевший на стуле с плетеным сиденьем у ворот извозного двора, казалось, сулил все необходимые сведения.

– Вы не знаете, где здесь поблизости сдается комната? – спросил Юджин.

Человек, наслаждавшийся вечерним воздухом, внимательно оглядел его. Это был владелец двора.

– Вон там, через улицу, в доме семьсот тридцать два, живет одна пожилая женщина, – сказал он. – У нее как будто есть комната. Может, она пустит вас.

Молодой человек явно внушал ему доверие.

Юджин перешел на ту сторону и позвонил у двери первого этажа. Ему открыла высокая приветливая женщина. В ее облике было что-то материнское. Волосы ее были белы.

– Что вам угодно? – спросила она.

– Джентльмен вот там, у извозного двора, сказал мне, что у вас можно снять комнату.

Женщина ласково улыбнулась. Растерянность юноши, его сияющие от возбуждения глаза, а также одежда и манеры выдавали провинциала.

– Да, войдите, – сказала она. – У меня есть комната. Можете ее посмотреть.

Это была маленькая спальня, совершенно изолированная, окнами на улицу – опрятная, скромная, удобная.

– Она мне нравится, – сказал Юджин.

Женщина снова улыбнулась.

– Платить мне будете два доллара в неделю, – сказала она.

– Хорошо, – сказал Юджин, ставя на пол свой чемодан. – Я беру ее.

– Вы ужинали? – спросила женщина.

– Нет, но я скоро пойду прогуляться, посмотреть город и найду, где поесть.

– А то я накормлю вас, – предложила хозяйка.

Юджин поблагодарил ее, и она опять улыбнулась. Вот что Чикаго делает с провинцией – забирает у нее молодежь.

Юджин открыл ставни, стал на колени и облокотился на подоконник. Он смотрел на улицу, где все казалось ему необыкновенным. Витрины залиты огнями. Люди спешат, – как гулко раздаются их шаги! И куда ни глянешь, – на восток, на запад, – везде то же самое, повсюду большой, огромный, изумительный город. Как хорошо здесь! Теперь он это знает. Ради этого стоило приехать. Как мог он так долго сидеть в Александрии! Он здесь устроится, непременно устроится. Он был глубоко уверен. Он знал это.

Чикаго в то время действительно представлял для новичка целый мир возможностей и надежд. Тут было столько нового, еще не тронутого – все находилось в стадии созидания. Протянувшиеся длинными рядами дома и магазины были по большей части временными постройками – одноэтажными и двухэтажными бараками, но кое-где попадались уже и трехэтажные и четырехэтажные кирпичные здания, возвещавшие лучшее будущее. Торговый центр, расположенный между озером и рекой, – между Северной и Южной сторонами, – таил в себе неограниченные возможности, так как здесь были сосредоточены магазины, обслуживавшие не только Чикаго, но и весь Средний Запад. Тут были внушительные банки, конторы, огромные розничные магазины, отели и постоянно бурлил людской поток, олицетворяющий юность, иллюзии, безыскусственные мечтания миллионов людей. Попав сюда, вы начинали чувствовать, что Чикаго – это неудержимый порыв, это людские надежды, людские желания. Это был город, вливавший жизненные силы в каждую колеблющуюся душу; новичка он заставлял грезить, пожилым внушал, что нет такого тяжелого положения, которое не могло бы измениться к лучшему.

За всем этим скрывалась, конечно, борьба. Юность, надежды и энергия вступали в бешеную гонку. Здесь надо было работать, не отставая, живей поворачиваться, не зевать. Здесь необходимо было обладать инициативой. Город требовал от человека самого лучшего, что было в нем, – иначе он просто от него отворачивался. Как юность в своих смутных исканиях, так и зрелость испытывали это на себе. Здесь не было места лежебокам.

Юджин, едва обосновавшись, понял это. На профессию наборщика он как-то махнул рукой. С этим у него было покончено. Ему хотелось быть художником или чем-то в этом роде, но он понятия не имел, как приступить к делу. Лучше всего устроиться в газету, да вряд ли там принимают начинающих. А ведь он ничего не умеет. Правда, его сестре Миртл очень нравились его наброски, но что она понимает? Если бы он мог где-нибудь подучиться, найти кого-нибудь, кто поучил бы его... А пока придется работать...

Прежде всего он, разумеется, попытал счастья в газетах, в этих великолепных учреждениях, куда тянет всякого, кто хочет проложить себе дорогу. Но Юджина испугали шумные редакции, хмурые заведующие художественными отделами и заносчивые редакторы. Один из этих власть имущих нашел небезынтересными те три-четыре наброска, которые показал ему Юджин, но он был в дурном расположении духа, и – нет, ему никто не нужен. Он так и сказал: «Нет, нам никого не надо». Юджин с горечью подумал, что, очевидно, его и на этом поприще ждет провал.

Вся беда юноши заключалась в том, что его способности еще дремали. Красота жизни, то изумительное, что есть в ней, уже держало его в своей власти, но он еще не в состоянии был передать это в линиях и красках. Он без конца бродил по шумным улицам, подолгу простаивал у витрин и часами глядел на лодки, скользившие по реке, и на сновавшие по озеру суда. Как-то днем, когда Юджин стоял на берегу озера, на горизонте показалась шхуна, плывшая под всеми парусами, – первый корабль, который он увидел в своей жизни. Чуткая душа его встрепенулась. Руки нервно сжались в кулаки, дрожь пробежала по телу. Он сел на парапет и все смотрел и смотрел, пока шхуна не скрылась из виду. Так вот они, великие озера! Каковы же должны быть великие моря – Атлантический, Тихий, Индийский океаны. О море! Когда-нибудь он, быть может, попадет в Нью-Йорк и увидит там море. Но оно и здесь перед ним – в миниатюре, и какое оно изумительное!

Однако человек не может жить праздно, проводя время в мечтаниях на берегу озера, у паромов и витрин, если у него нет средств к существованию, а у Юджина их не было. Покидая отчий дом, он твердо решил добиться самостоятельности. Он хотел иметь заработок, на который можно было бы кое-как жить. Он хотел иметь возможность написать домой, что неплохо устроился. Прибыли его вещи, от матери пришло ласковое письмо и немного денег, однако деньги он отослал обратно – всего лишь десять долларов, но он не так думал начинать новую жизнь. Он считал, что должен жить на собственные средства – во всяком случае он решил попытаться.

Прошло десять дней, капиталы Юджина сильно поубавились, – у него оставался доллар семьдесят пять центов, – надо было браться за любую работу. Нечего было сейчас и думать о месте художника или даже наборщика. Наборщик должен быть членом профессионального союза, а потому приходилось брать, что подвернется, – и он стал ходить из магазина в магазин, предлагая свои услуги. Убогие мастерские, в которых он справлялся о работе, были до того неприглядны, что Юджин внутренне морщился; но он подавил свою брезгливость. Он готов был взяться за какой угодно труд, хотя бы приказчика в булочной, кондитерской или мануфактурном магазине.

Однажды он зашел наугад в большую скобяную лавку. Человек, к которому он обратился, посмотрел на него с любопытством.

– Я могу вам предложить работу по ремонту печей, – сказал он.

Юджин не понял его, но охотно согласился. Ему положили шесть долларов в неделю, – на это все же можно было существовать. Юджина проводили на чердак, находившийся в ведении двух верзил-рабочих, мастеров по сборке, окраске и починке печей. Они сердито объяснили своему новому помощнику, что он должен будет счищать ржавчину со старых печей, а также помогать собирать их, красить и переносить на склад, – в этой лавке ремонтировались для продажи старые печи, которые хозяин скупал у старьевщиков по всему городу. Юджину была

отведена низкая скамья у окошка, где ему полагалось чистить ржавые печи, но он часто забывал о работе, глядя вниз, в переулок, где во дворах густо росла зеленая трава. Город был для него полон чудес, он манил его каждой мелочью. Когда мимо проходил тряпичник, выкрикивая: «Тряпки, железо покупаю!» – или торговец овощами зазывал: «Вот помидоры, картошка, молодая кукуруза, зеленый горошек!» – Юджин поднимал голову и прислушивался: эта своеобразная музыка находила в нем живой отклик. В Александрии ничего похожего не услышишь. Все это было так непривычно. И Юджин представлял себе, как он стал бы делать наброски, и мысленно зарисовывал белье, развешанное во дворе на веревках, девушек с корзинками и тому подобное.

Однажды, когда ему казалось, что он усердно трудится (он работал в лавке уже две недели), один из мастеров крикнул ему:

– Эй ты, там, пошевеливайся! Не за то тебе платят, чтобы ты в окно глазел.

Юджин застыл на месте. Он и не заметил, что бездельничает.

– А вам что за дело? – сказал он обиженно и вызывающе. До сих пор он считал, что работает с этими людьми, как равный, и вовсе не подчинен им.

– Я тебе покажу, дерзкий мальчишка! – отозвался мастер постарше, грубый малый, вылитый Билл Сайкс из «Оливера Твиста». – Ты у меня узнаешь, кто твой начальник. Живей, говорю, и не нахальничать!

Эта неожиданная вспышка звериной грубости поразила Юджина. Зверь, за которым он наблюдал на расстоянии, как мог бы наблюдать художник, и который интересовал его как явление, теперь показал себя.

– Убирайтесь вы к дьяволу! – крикнул Юджин, лишь наполовину сознавая, какой опасности он себя подвергает.

– Что такое? – заорал мастер и кинулся на него.

Он оттолкнул Юджина к стене и хотел было пнуть носком своего тяжелого, подбитого гвоздями башмака. Юджин схватил с пола железную ножку от печки. Он был бледен как полотно.

– Лучше не пробуйте! – угрожающе сказал он, крепко зажав в руке железную ножку.

– Брось, Джим, – сказал другой мастер, понимавший всю неуместность такой вспышки. – Не тронь его. Гони его лучше вон, если он тебе не нравится.

– В таком случае проваливай ко всем чертям! – сказал великодушный начальник Юджина.

Все еще держа в руке печную ножку, Юджин подошел к гвоздю, на котором висели его пиджак и шляпа. Боясь, что нападение может повториться, он осторожно прошел мимо противника. Тот склонен был снова дать ему тумака в наказание за упрямство, но воздержался.

– Много понимаешь о себе, щенок. Проснись, сонная харя! – сказал он, когда Юджин направился к выходу.

Юноша тихонько проскользнул за дверь, чувствуя себя униженным и опозоренным. Какая сцена! Его, Юджина Витла, чуть не пнули ногой, чуть не вытолкали пинками вон, – и это на работе, за которую платят шесть долларов в неделю! На секунду острая спазма сдавила ему горло, но постепенно отлегло. Ему хотелось плакать, но он не мог. Он спустился вниз и подошел к конторке – лицо и руки у него были измазаны краской.

– Я ухожу, – сказал он нанявшему его человеку.

– Ладно. А что случилось?

– Эта скотина мастер хотел ударить меня ногой, – объяснил Юджин.

– Да, они довольно наглые ребята, – согласился хозяин. – Я так и думал, что вы с ними не поладите. Тут нужен человек покрепче вашего. Получите.

Он выложил на стол три с половиной доллара. Юджин с удивлением выслушал этот странный ответ. Он должен был поладить с этими людьми! А они не обязаны ладить с ним? Так вот какую жестокость таит в себе большой город!

Юджин вернулся домой, умылся и снова вышел на улицу, так как теперь не время было сидеть без работы. Неделю спустя он нашел место агента в конторе по продаже недвижимого имущества; он должен был узнавать и сообщать номера пустующих домов и наклеивать на окна ярлычок с надписью: «Сдается». Это приносило восемь долларов в неделю и открывало кой-какие перспективы. Юджина это место вполне устраивало, но не прошло и трех месяцев, как контора обанкротилась. Близилась осень, и надо было думать о зимнем костюме и теплом пальто, но Юджин не писал родным о своих злоключениях. Что бы ни было на самом деле, ему хотелось, чтобы они думали, будто он преуспевает.

Остроту и некоторую горечь его впечатлениям придавало зрелище роскоши, подступавшей к нему с разных концов. Его восхищали такие улицы, как Мичиган, Прери и Эшленд-авеню, а также бульвар Вашингтона, – районы, застроенные прекрасными домами, каких Юджин до сих пор никогда не видел. Он был поражен их великолепием, красотой окружающих газонов, зеркальными окнами, блеском выездов и слуг. Впервые в жизни увидел он швейцаров в богатой ливрее, стоящих у дверей. Он видел издали молодых девушек и женщин, казавшихся ему чудом красоты и таких изысканных в своих нарядах, видел молодых людей с горделивой осанкой. Должно быть, это и были представители «общества», о которых постоянно писали в газетах. Юджин еще не умел разбираться в этом. Красивая одежда и изысканная роскошь были для него свидетельством высокого общественного положения. Впервые у него открылись глаза, и он увидел бездонную пропасть между тем, что ждет новичка из провинции, и теми благами, которыми располагает мир, – вернее, теми, что щедро сыплются на немногих, стоящих на самом верху. Все это несколько отрезвило, но и огорчило его. Жизнь была полна несправедливости.

В эти осенние дни, когда листва на деревьях стала бурой и пронизывающий ветер гнал перед собой клубы дыма и тучи пыли, он убедился, что город умеет быть жестоким. Навстречу попадались люди в потрепанной одежде, угрюмые и изможденные, с запавшими глазами, из которых глядело глубокое отчаяние. Очевидно, их довела до этого тяжелая жизнь. Если они просили милостыню, – правда, к Юджину обращались редко, так как вид его отнюдь не говорил о довольстве, – то обычно жаловались на жизненные неудачи. Ведь так легко потерпеть крушение. Можно попросту умереть с голоду, если не глядеть в оба, – город быстро научил этому Юджина.

В эти дни его грызла тоска. Юджин был не очень общителен и к тому же склонен к самоанализу. Он не имел возможности обзавестись друзьями, по крайней мере так он думал, и потому либо одиноко бродил вечерами по улицам, наблюдая жизнь большого города, либо сидел дома в своей комнатухе. Миссис Вудраф, его квартирная хозяйка, была добра и достаточно заботлива, но уже не молода, – не о таком обществе мечтал Юджин. Он думал о девушках и о том, как грустно, что нет ни одной, с кем можно было бы перемолвиться словом. Стеллы нет – с этой мечтой покончено. Когда-то он встретит другую, похожую на нее?

В конце месяца, в течение которого он вынужден был истратить часть денег, присланных матерью для покупки в рассрочку костюма, Юджин, наконец, устроился возчиком в прачечную, и эта работа, за которую платили десять долларов в неделю, представлялась ему очень хорошей. Время от времени, когда он чувствовал себя не слишком усталым, он брался за карандаш и делал наброски, но все они казались ему бездарными. А потому он продолжал работать в прачечной и развозить белье, тогда как ему следовало бы искать места в какой-нибудь редакции или учиться живописи.

В ту зиму Миртл написала ему, что Стелла Эплтон уехала в Канзас, куда перебрался ее отец, что мать хворает и просит Юджина хоть на неделю приехать домой. Незадолго перед этим

Юджин познакомился с одной девушкой-шотландкой, по имени Маргарет Дафф, работавшей в той же прачечной; он быстро сошелся с ней, и эта связь положила начало его отношениям с женщинами. До этого он не знал женщин и с тем большей горячностью отдался теперь переживаниям, которые пробудили в его характере новую черту, если не порочную, то во всяком случае разрушительную и дезорганизирующую. Он любил женщин, любил красивые линии их тела, их внешнее очарование, а впоследствии должен был полюбить и душевную красоту (он и сейчас ее любил, только смутно, бессознательно), но его идеал женщины еще не был ему ясен. Маргарет Дафф была непосредственна, добра и обладала некоторой грацией и миловидностью. Вот, пожалуй, и все. Но, найдя для себя благоприятную почву, чувственность Юджина стала быстро расти и за несколько недель почти целиком завладела им. Он дня не мог прожить без этой девушки, а она охотно шла ему навстречу, лишь бы их связь не слишком бросалась в глаза. Маргарет слегка побаивалась родителей, но они, люди рабочие, рано ложились и спали крепко. Они, по-видимому, ничего не имели против ее встреч с молодыми людьми. Юджин был у нее не первый.

В продолжение трех месяцев страсть их была безудержна. Юджин проявлял жадность, ненасытность, а девушка, хоть и более холодная, рада была угодить возлюбленному. Ей льстил его пыл, жаркое пламя, которое она в нем загла; вскоре, однако, она почувствовала утомление. Затем стала сказываться разница натур, противоположность вкусов, взглядов, стремлений. Юджину в сущности не о чем было говорить с Маргарет, он не мог найти в ней отклика на свои более тонкие переживания. Она же не встречала в нем интереса к тем пустякам, которые ее занимали, – к островам, услышанным с эстрады, к забавным замечаниям знакомых молодых людей и девушек. Маргарет умела одеться, но во всем, что касалось искусства, литературы, социальных проблем, была совершеннейшей невеждой, тогда как Юджин, при всей своей молодости, горячо отзывался на все, что происходило в мире. Ему были близки имена великих людей – Карлейля, Эмерсона, Торо, Уитмена, – дороги отзвуки их великой славы. Он читал о гениальных философах, художниках, композиторах, которые метеорами пронеслись по небу западного мира, и размышлял. Его волновало смутное предчувствие, что и он призван совершить нечто великое, и в своем юношеском энтузиазме он уже наполовину верил, что это будет очень скоро. Он знал, что девушка, с которой он сошелся, не удержит его надолго. Она увлекла его, но, увлеченный, он оставался господином, критиком и судьей. У него не раз мелькала мысль, что она ему не нужна, что он может найти кого-нибудь получше.

Естественно, что такие мысли неизбежно должны были убить страсть, как пресыщение неизбежно должно было породить такие мысли. Маргарет постепенно охладевала к Юджину. Ее злило его высокомерие, его порой надменный тон. Они ссорились из-за пустяков. Как-то вечером он с обычной заносчивостью заметил, что ей следовало бы сделать то-то и то-то.

– Брось, пожалуйста, командовать, – сказала она. – Ты всегда со мной разговариваешь, будто я твоя собственность!

– Так оно и есть, – сказал он шутя.

– Ты так думаешь! – вспыхнула она. – Найдутся и другие.

– Ну и отправляйся к ним, когда тебе будет угодно. Я не возражаю.

Его тон задел ее за живое, хотя Юджин сказал это больше в шутку, чем всерьез, и в действительности ничего такого обидного не имел в виду.

– Мне сейчас угодно! Незачем ходить ко мне, раз ты этого не хочешь. Обойдусь и без тебя.

Она вызывающе вскинула голову.

– Не дури, Маргарет, – сказал он, поняв, какое вызвал озлобление. – Ты вовсе этого не думаешь.

– Не думаю? А вот посмотрим!

Она отошла в противоположный угол. Он последовал за нею, но ее гнев снова пробудил в нем раздражение.

– Впрочем, как хочешь, – сказал он, постояв в нерешительности. – Я пойду, пожалуй.

Она ничего не ответила, ни о чем не просила, ничего не предлагала. Юджин пошел за шляпой и пальто.

– Хочешь поцеловать меня на прощание? – спросил он вернувшись.

– Нет, – холодно ответила она.

– Покойной ночи, – сказал он.

– Покойной ночи, – равнодушно отозвалась она.

Они так и не помирились окончательно, хотя отношения их и продолжались еще некоторое время.

Глава V

Связь с этой девушкой возбудила в Юджине почти неудержимый интерес к женщинам. Большинство мужчин втайне гордятся своими любовными успехами, и всякое доказательство умения покорить женщину, увлечь и удержать ее рождает в них уверенность и смелость, которой порой не хватает тем, кто не избалован подобными победами.

Для Юджина это была первая победа такого рода, и она доставила ему огромное удовлетворение. Он чувствовал больше уверенности в себе и совсем не испытывал стыда. Что знали, размышлял он, глупые мальчики в Александрии о той жизни, какую он ведет здесь? Он, Юджин, живет в Чикаго. Это совершенно иной мир. Он стал мужчиной, человеком независимым, с установившейся индивидуальностью, представляющей интерес для других. Маргарет Дафф говорила ему много лестного о его особе. Она восхищалась его внешностью, манерами, его вкусом. Он испытал, что значит обладать женщиной. Все это вскружило голову Юджину, и даже то, что ему так бесцеремонно была дана отставка, не произвело на него никакого впечатления, – ведь он был готов ее принять. Теперь он стал тяготиться своей работой, так как десять долларов в неделю не могли удовлетворить уважающего себя молодого человека, особенно если он задался целью при первой же возможности вступить в новую связь, вроде только что оборвавшейся. Юджин решил искать место получше.

И вот однажды женщина, которой он доставлял белье на Уоррен-авеню, остановила его вопросом:

– Сколько вы, возчики, получаете в неделю?

– Я получаю десять долларов, – сказал Юджин. – Но некоторые, возможно, зарабатывают больше.

– Из вас вышел бы хороший инкассатор, – предложила она. Это была рослая женщина, с виду простая, но проникательная и прямая. – Хотели бы вы перейти на такую работу?

Юджину давно опротивело развозить белье. Рабочий день был убийственно длинный. В субботу, например, он кончал в час ночи.

– Еще бы не хотеть! – воскликнул он. – Я не знаю, что это за должность, но в моей теперешней веселого мало.

– Мой муж служит управляющим в компании «Дешевая мебель», – продолжала женщина. – Там нужны хорошие инкассаторы. Сейчас у них, кажется, есть вакантное место. Хотите, я поговорю с ним?

Юджин обрадовался и поблагодарил ее. Вот уж действительно как с неба свалилось! Ему очень хотелось узнать, сколько получает такой инкассатор, но он решил, что спрашивать неудобно. Однако женщина, по-видимому, угадала его мысли.

– Если он вас возьмет, вы будете, вероятно, получать для начала долларов четырнадцать, – сказала она.

Юджин был в восторге. Вот это действительно шаг вперед! На четыре доллара больше! При таком жалованье он мог бы одеться и иметь свободные деньги. Он мог бы учиться живописи. Его мечты росли и множились. Да, можно пробить себе дорогу, стоит только захотеть. Добросовестность, с какою он обслуживал клиентов прачечной, получила должную награду. А дальнейшие труды на новом поприще принесут ему, возможно, и больший успех. Ведь он еще так молод.

К тому времени он уже проработал в прачечной полгода. И вот полтора месяца спустя на его имя пришло письмо от мистера Генри Митчли, управляющего компанией «Дешевая мебель», с просьбой зайти к нему на дом в любой вечер после восьми. «Мне порекомендовала вас моя жена», – сообщал он в заключение.

Юджин отправился по адресу в тот же день, и там его встретил и внимательно оглядел худощавый, подвижный, обходительный до слащавости человек лет сорока, который задал ему множество вопросов относительно его родителей, работы, получаемого жалованья и так далее. Наконец он сказал:

– Мне нужен дельный молодой человек. Для солидного, честного и трудолюбивого работника у нас очень хорошее место. Моя жена хвалит вас, и я готов вас испробовать. Я могу предложить вам должность на четырнадцать долларов. Заходите ко мне в следующий понедельник.

Юджин поблагодарил его. По совету мистера Митчли, он решил за неделю предупредить управляющего прачечной о своем уходе. Он рассказал Маргарет о своих планах, и она, по-видимому, была рада за него. Управляющий расстался с ним не без сожаления, так как Юджин работал добросовестно. За неделю он помог ввести в дело нового человека, взятого на его место, и в понедельник явился к мистеру Митчли.

Последний радушно встретил Юджина, так как угадывал в нем энергичного и способного работника. Он объяснил ему несложные обязанности инкассатора, которые заключались в том, чтобы взыскивать с клиентов текущие взносы за проданные им в рассрочку товары – часы, серебро, ковры и прочее, что составляло в среднем от семидесяти пяти до ста двадцати пяти долларов в день.

– В таком деле, как наше, у служащих обычно берут залог, – пояснил мистер Митчли, – но мы обходимся без этих новшеств. Мне кажется, я всегда отличу честного человека. К тому же у нас существует контроль. И если у человека дурные наклонности, с нами он не больно разживется.

Юджин никогда особенно не задумывался над тем, что значит быть честным. Дома ему не отказывали в небольших карманных деньгах, а служа в газете, он достаточно зарабатывал на свои нужды. С другой стороны, в его кругу быть честным считалось чем-то обязательным, само собой разумеющимся. Кто не был честен, попадал в тюрьму. Он отлично помнил один прискорбный случай в Александрии, когда его знакомого арестовали за то, что он забрался ночью в какой-то магазин. На Юджина это происшествие произвело огромное впечатление. Впоследствии он немало думал об этих вопросах, но так ни до чего и не додумался. Он знал, что от него могут в любую минуту потребовать отчета в сумме, предоставленной в его распоряжение, и был готов к этому. Его заработка, считал он, должно хватать на жизнь, тем более что ему не нужно никого содержать. Он, в сущности, легко скользил по поверхности жизни, и честность его оставалась неиспытанной.

Юджин взял приготовленные для него счета и стал добросовестно обходить дом за домом. Одни клиенты платили с готовностью, и он выдавал им расписки, другие просили об отсрочке или совсем отказывались платить, ссылаясь на какие-то недоразумения с компанией. Нередко выяснялось, что люди, которых он разыскивал, съехали, не оставив адреса и захватив с собой неоплаченные вещи. В таких случаях он был обязан, как объяснил ему мистер Митчли, расспросить о них соседей.

Юджин сразу понял, что эта служба по нем. Пребывание на свежем воздухе, всегда в движении, сравнительная простота обязанностей – все нравилось ему. Эти обязанности заводили его в незнакомые части города и сталкивали с незнакомыми дотоле типами и характерами. Если работа возчика – необходимость ездить от дома к дому – действовала на него освежающе, то и новая его служба была в таком же роде. Он наблюдал сценки, которые могли в будущем послужить ему прекрасным материалом для картин. Темные массивы фабрик, высящиеся в светлом небе; широкое железнодорожное полотно, скрещивающиеся, переплетающиеся пути под дождем, под снегом, на ярком солнце; гигантские черные трубы, устремленные навстречу утренним или вечерним облакам. Особенно нравились ему эти трубы под вечер, когда они рельефно выделялись на фоне красного или тускло-фиолетового заката. «Изумительно!» – восклицал он про себя и думал о том, как будет поклоняться мир ему, Юджину, если он когда-нибудь создаст такие же великие произведения, как Гюстав Доре. Он восхищался грандиозным воображением этого мастера. Юджин никогда не представлял себя пишущим маслом, акварелью или мелом, – только тушью, и притом большими, грубыми пятнами черного и белого. Вот как нужно писать. Вот чем достигается сила впечатления.

Но он еще не мог создавать образы. Он мог только мыслить ими.

Больше всего восхищала его река Чикаго, ее черная, невероятно грязная вода, которую тяжело вспенивали пыхтящие буксиры, ее берега, где выстроились огромные красные элеваторы, черные желоба для погрузки угля и отливающие яркой желтизной склады лесных материалов. Вот где были настоящие краски, настоящая жизнь – вот что следовало писать. И другой пейзаж: приземистые, исхлестанные дождем сиротливые коттеджи, их серые унылые ряды на фоне голой прерии и одинокое корявое деревце где-нибудь сбоку. Он брал первый попавшийся конверт и силился запечатлеть главное, – передать ощущение, как он выражался, – но у него ничего не выходило. Все, что он рисовал, казалось ему жалким и шаблонным, – одни ничего не говорящие линии и безжизненные, тяжеловесные массы. Как достигали великие художники естественности и простоты рисунка? – спрашивал себя Юджин.

Глава VI

Юджин добросовестно работал – собирал взносы по счетам, сдавал собранные деньги – и уже успел кое-что скопить для себя. Маргарет была для него теперь далеким прошлым. Квартирная хозяйка Юджина, миссис Вудраф, уехала к дочери в Сидейлию, штат Миссури, и он перебрался в другой дом, попроще, на Двадцать первой улице, в восточной части города. Перед домом на лужайке в пятьдесят квадратных футов росло дерево, это-то и привлекло Юджина. Его новая комната, как и первая, стоила недорого, и он жил в семье. Он договорился платить двадцать центов за каждый завтрак, обед или ужин, который будет получать от хозяев, и, таким образом, расходовал на питание всего пять долларов в неделю. Из остальных девяти он тратил какие-то суммы на одежду, проезд и развлечения – на последние почти ничего. Как только у него появились кое-какие сбережения, он стал подумывать о том, чтобы наведаться в Институт искусств, который представлялся ему дорогой к успеху, и узнать условия поступления на вечерние курсы по рисунку. Юджин слышал, что плата там умеренная, всего пятнадцать долларов в семестр, и решил туда зачислиться, если к поступающим не предъявляют слишком строгих требований. Он постепенно приходил к убеждению, что рожден быть художником и рано или поздно им будет.

Старое здание Института искусств на углу Мичиган-авеню и Монро-стрит, еще до переезда Института в нынешнее внушительное помещение, являло образец изящества, которого так не хватает большинству общественных зданий того времени. Большое, шестиэтажное, из бурого песчаника, оно, помимо залов для выставок и классов, вмещало ряд рабочих студий отдельных художников, скульпторов и преподавателей музыки. Курсы были утренние и вечер-

ние, и они уже в то время привлекали немало учащихся. Красота, таящаяся в искусстве, до некоторой степени расшевелила западного американца. Так мало красоты было в жизни этого народа, а между тем какой славы достигли те, кто сумел проявить себя на этом поприще и жил в этой изысканной атмосфере. Уехать в Париж! Поучиться там в какой-нибудь прославленной мастерской! Или в Мюнхен, Рим! Познакомиться с художественными сокровищами Европы, с жизнью артистических кварталов – одно это чего стоило! В груди многих неискушенных юношей и девушек горело поистине непреодолимое желание вырваться из болота будничной жизни, воспринять вкусы и нравы, присущие – как тогда считали – служителям искусства, усвоить их отчасти изысканные, отчасти небрежные манеры; поселиться в студии, пользоваться известной свободой, недоступной для простых смертных, – вот что надо делать, к чему стремиться. Разумеется, некоторая роль во всем этом отводилась и самому искусству. Предполагалось, что когда-нибудь вы обогатите мир замечательными полотнами и великолепными статуями, а пока вам можно и должно жить жизнью художника. Какая прекрасная, привольная жизнь!

Юджину давно уже грезились нечто подобное. Он знал, что в Чикаго немало известных мастерских, что есть художники, создающие, судя по отзывам газет, превосходные произведения. В печати то тут, то там попадались сообщения о выставках, по большей части бесплатных, ибо публику и так было довольно трудно туда залучить. Однажды Юджин прочел о выставке картин Верещагина, прославленного русского баталиста, какими-то судьбами оказавшегося в западном полушарии. В одно из воскресений Юджин отправился посмотреть его картины и был потрясен великолепной передачей деталей боя, изумительными красками, правдивостью образов, ощущением трагизма, мощи, опасности, ужаса и страданий, которое исходило от этих полотен. Они свидетельствовали о зрелости и глубине таланта русского художника, об исключительном богатстве его воображения и темперамента. Юджин смотрел и думал о том, как достигнуть такого совершенства. И в течение всей дальнейшей жизни имя Верещагина было для него величайшим стимулом. Если быть художником, то только таким.

В другой раз Юджин увидел картину, которая затронула в нем иные струны, хотя природа впечатления и на этот раз была художественной. Это была картина французского художника Бугро – крупное, теплое по колориту нагое женское тело. Совсем недавно этот художник произвел сенсацию своими смелыми изображениями обнаженной натуры. Излюбленными образами Бугро были не жеманные, миниатюрные, хрупкие существа, лишенные силы и страсти, а прекрасные, полнокровные женщины, со сладострастными линиями шеи, рук, груди, бедер и ног, женщины, созданные для того, чтобы зажечь лихорадочный огонь в крови молодого мужчины. Художник, несомненно, понимал и знал страсть, любил форму, чувственность, красоту. За его прекрасными образами угадывалось брачное ложе, материнство и пухлые, цветущие младенцы, радостно прижимаемые к груди. Его женщины вставляли во всей своей красе и притягательной силе: с полуоткрытыми сочными губами, с румянцем страсти на щеках, с манящим желанием в глазах. Нечего и говорить, что консерваторы и пуритане, люди религиозного и строгого воспитания, предавали такие картины анафеме. Уже одного того, что это полотно было привезено в Чикаго для продажи, оказалось достаточно, чтобы вызвать бурю возмущения. Нельзя рисовать такие вещи, кричали газеты, во всяком случае незачем показывать их публике. Многие хотели видеть в Бугро одного из тех, кто сеет соблазн и пытается своим талантом внести разложение в общественные нравы. Поднялся вопль, что картину надо убрать, и, как всегда бывает при взрывах общественного протеста, она вызвала в публике огромный интерес.

Юджин тоже заинтересовался дискуссией. Он не только не видел раньше полотен Бугро, он вообще никогда не видел ни одной настоящей картины, изображающей обнаженное тело. Освобождаясь обычно в три часа, он успевал посещать выставки, тем более что его теперешняя работа позволяла ему всегда носить хороший костюм. Юджин выглядел серьезным, солидным молодым человеком, и его просьба показать что-либо в художественном салоне не должна была

вызвать недоумения. По внешнему виду он вполне мог принадлежать к интеллигенции или к племени художников.

Не будучи уверен в том, какой прием будет оказан столь молодому человеку (ему еще не исполнилось и двадцати лет), Юджин тем не менее рискнул зайти в магазин, где был выставлен Бугро, и попросил показать ему картину. Служитель с любопытством оглядел его, но все же проводил в глубь магазина, в комнату с темно-красными портьерами, включил электрическую люстру в нише, затянутой красным бархатом, и отдернул занавес, скрывавший картину. Юджин никогда не видел такого тела, такого лица. Это была красота, которая является только в мечтах, – его идеал, воплощенный в жизнь. Он смотрел, не отрываясь, на это лицо и шею, на пышный узел чувственных каштановых волос, на губы, раскрытые, словно лепестки, на нежные щеки. С изумлением разглядывал он мягко намеченные груди и живот – это обещание материнства, которое так воспламеняет мужчин. Он мог бы часами стоять, созерцая и наслаждаясь, но служитель, оставивший его одного на несколько минут, вернулся.

– Сколько она стоит? – спросил Юджин.

– Десять тысяч долларов, – последовал ответ.

Юджин понимающе усмехнулся.

– Да, вещь замечательная, – сказал он и направился к выходу. Служитель выключил свет.

Эта картина, как и полотно Верещагина, оставила глубокий след в душе Юджина. Но, как ни странно, у него не было желания создать что-либо в этом роде. Он лишь испытывал радостное волнение, разглядывая ее. Эта картина воплотила его идеал женщины – идеал красоты, и он всем существом жаждал найти подобное создание, которое отнеслось бы к нему благосклонно.

Были и другие выставки (на одной он, между прочим, увидел подлинного Рембрандта), которые произвели на него немалое впечатление, но ни один художник не взволновал его так глубоко, как Верещагин и Бугро. Юджина все неудержимее влекло к искусству; ему хотелось побольше узнать и самому испытать свои силы. Однажды, набравшись смелости, он зашел в Институт искусств и навел справки у секретарши. Это была женщина с весьма практическим складом ума. Она сообщила ему, что занятия продолжаются с октября по май, что он может записаться в класс живой природы, или гипсов, или в тот и другой – хотя гипсы для начала целесообразнее, – или в класс иллюстрации, где натурщиков и натурщиц пишут в костюмах различных эпох, а также сказала, сколько ему придется платить за это. Он узнал, что в каждом классе свой преподаватель (человек с именем и весом), – но Юджину пока нет надобности обращаться к кому-либо из них, – а также свой староста. От учащегося требуется добросовестная работа – ради его же собственного блага. Юджин не видел самые классы, но вынес впечатление, что здесь каждый уголок насыщен искусством; даже коридоры и служебные комнаты были изящно отделаны, и всюду висели гипсовые слепки – руки, ноги, торсы, бедра и головы.

Юджину казалось, что он постоял у открытой двери и заглянул в новый мир. Он с радостью узнал, что ему предоставляется возможность учиться рисовать пером или кистью в классе иллюстрации, а также, если он пожелает, заниматься вечерами по классу живой природы и посещать, без особой доплаты, от пяти до шести класс эскиза. Он несколько удивился, узнав из врученного ему печатного проспекта, что в классе живой природы пишут с обнаженных моделей – мужчин и женщин. Он и впрямь был на пути в новый мир. Этот мир казался ему естественным и необходимым, но вместе с тем от него веяло чем-то неприступным, наводившим на мысль о священном храме, куда доступ открыт лишь избранным и одаренным. Одарен ли он? Погодите! Он еще покажет себя, хоть он и неотесанный провинциал!

Юджин решил записаться, во-первых, в класс живой природы, где занятия происходили по понедельникам, средам и пятницам от семи до десяти, и, во-вторых, в класс эскиза, который работал ежедневно с пяти до шести. Он понимал, что знает очень мало – вернее, ничего не знает – о строении и анатомии человеческого тела и что ему лучше всего поработать над этим.

Костюм и иллюстрация подождут, а что касается пейзажей, тех самых видов города, которые его особенно увлекали, то с этим надо повременить, пока он не постигнет основного.

До сих пор Юджин никогда не пытался рисовать лицо или человеческую фигуру – разве только очень мелким планом, как деталь более крупной композиции. Теперь ему предстояло делать углем наброски головы или тела с живой натуры, и это его пугало. Он знал, что придется работать в одном классе с пятнадцатью – двадцатью другими студентами, которые увидят его работы и будут критиковать их. Дважды в неделю их будет просматривать преподаватель. Как он узнал из проспекта, тот, кто в течение месяца обнаружил наибольшие успехи, получает право выбирать себе лучшее место всякий раз, когда группа приступает к новой работе. Преподаватели представлялись Юджину людьми хорошо известными среди американских художников – все это были «Н. А.», «национальные академики». Он и не подозревал, с каким презрением относились к этому званию в некоторых кругах.

Однажды вечером, в один из октябрьских понедельников, запасшись несколькими листками бумаги, которую он приобрел, следуя указаниям все того же всеведущего проспекта, Юджин приступил к занятиям. Он слегка нервничал, оглядывая ярко освещенные коридоры и классы, и вид проходивших мимо молодых людей и девушек отнюдь не способствовал его успокоению. Ему сразу бросились в глаза их веселость и непринужденные манеры. Студенты производили впечатление интересных, мужественных и в большинстве красивых мужчин, а студентки – изящных, бойких и уверенных в себе молодых особ. Одна или две из них, как мысленно отметил Юджин, выделялись какой-то своеобразной, непонятной ему красотой. О, это был прекрасный мир.

Классные комнаты поразили его не меньше. Они так давно служили своему назначению, что все стены их были измазаны краской, соскобленной с палитр. Не было даже мольбертов, одни только стулья и маленькие скамеечки; стульями, как узнал Юджин, студенты пользовались вместо мольбертов, перевернув их ножками кверху, скамеечки заменяли им стулья. Посередине класса были устроены подмостки высотой с обыкновенный стол, где позировали натурщицы или натурщики, а в одном углу комнаты стояла ширма, за которой они одевались. Ни картин, ни статуй – голые стены, и у одной из них почему-то рояль. В коридорах и в общем зале висели изображения нагого тела или его частей во всевозможных положениях, и для Юджина, при его непосредственности и молодости, это служило немалым соблазном. Он посматривал на них с тайным удовольствием, но понимал, что никому не должен признаваться в таких мыслях. Люди искусства, говорил он себе, должны казаться равнодушными к подобным искушениям, они должны быть выше таких чувств. Ведь они приходят сюда работать, а не мечтать о женщинах.

Когда настал час, назначенный для занятий, студенты засуетились и забегали, некоторые стали совещаться между собой, и вскоре мужчины заняли один ряд комнат, а женщины – другой. В своем классе Юджин увидел молоденькую девушку, которая сидела у самой ширмы и со скучающим видом смотрела по сторонам. Черноволосая и черноглазая, она была хороша собой; ее лицо выдавало ирландское происхождение. На ней была шапочка, напоминавшая национальный головной убор польских женщин, и красный плащ. Юджин подумал, что это натурщица, и тайне спрашивал себя, неужели он и в самом деле увидит ее нагой. Спустя несколько минут, когда все расселись, по рядам прошло легкое движение, и в класс неторопливо вошел высокий мужчина лет тридцати шести, весьма живописной внешности. Он гуляющей походкой прошел через всю комнату и потребовал внимания. На нем был поношенный серый шерстяной костюм и небрежно сдвинутая набекрень коричневая шляпа с небольшими полями, которую он не нашел нужным снять. Под пиджаком виднелась голубая в полоску рубашка с отложным воротником и без галстука – все вместе придавало ему чрезвычайно самодовольный вид. Это был высокий, стройный мужчина, с длинным, узким лицом, твердо очерченной линией большого рта, крупными руками и ногами; ходил он вперевалку, как моряк. Юджин догадался, что

это и есть «м-р Темпл Бойл, Н. А.», их преподаватель, и ожидал, что сейчас будет произнесено нечто вроде вступительной речи. Но тот лишь заявил, что старшим по классу назначен мистер Уильям Рэй, и выразил надежду, что не услышит жалоб на беспорядок и напрасную трату времени. По средам и пятницам он будет регулярно просматривать работы и надеется, что все студенты постараются заниматься успешно. Затем он предложил классу приступить к делу и так же неторопливо удалился.

Юджин узнал от одного из студентов, что это действительно был мистер Бойл. Молодая ирландка прошла за ширму, и Юджин со своего места увидел, что она раздевается. Это смутило его, но он взял себя в руки, чтобы не опозориться в присутствии стольких студентов. Он перевернул стул ножками вверх, как это сделали другие, и сел на скамеечку. Уголь в маленькой коробочке лежал рядом. Он разгладил бумагу, натянутую на доску, и нетерпеливо ждал, сохраняя внешнее спокойствие. Некоторые студенты переговаривались между собой. Наконец натурщица сбросила с себя тонкую, прозрачную сорочку, и в следующее мгновение оказалась из-за ширмы нагая и совершенно спокойная. Поднявшись на помост, она стала в позу лицом к студентам, опустив руки вдоль бедер и запрокинув голову. У Юджина зазвенело в ушах, краска залила лицо, сначала он даже боялся посмотреть на девушку. Потом, взяв уголь, он начал наносить на бумагу какие-то робкие штрихи, пытаясь хотя бы отчасти передать ее позу и черты лица. Все происходившее казалось ему необыкновенным – и то, что он в этой комнате, и то, что перед ним натурщица, – словом, что он учится живописи. Так вот каков этот мир, столь не похожий на тот, который он знал до сих пор. И он вступил в него, так как нашел свое призвание.

Глава VII

Только окончательно решив поступить в Институт искусств, Юджин впервые навестил свою семью. Несмотря на то, что его родной дом находился в каких-нибудь ста милях от Чикаго, у него никогда не возникало желания поехать туда, даже на рождественские праздники. Но теперь у него есть что сказать родным – он будет художником. А что до его службы, тут все обстояло как нельзя лучше. Мистер Митчли был им, по-видимому, доволен. Юджин ежедневно сдавал ему деньги и неоплаченные счета. Тот проверял наличность, а на неоплаченных счетах делал пометку «Ко взысканию». Случались у Юджина и просчеты: денег оказывалось то слишком много, то слишком мало. Но так как излишками покрывались недостающие суммы, то в конечном итоге счет выравнивался. В денежных вопросах Юджин не был способен к обману. Ему многое хотелось бы приобрести, но он готов был терпеливо ждать, пока это достанется ему честным путем. Именно эта черта в его характере и нравилась мистеру Митчли. Он стал подумывать, что из Юджина, пожалуй, выйдет толк.

Юджин выехал из Чикаго в пятницу вечером, перед Днем труда – праздником, который, как известно, приходится на первый понедельник сентября и который неукоснительно отмечался в городе всеми. Он сообщил мистеру Митчли о своем желании выехать в субботу после рабочего дня, чтобы провести дома воскресенье и понедельник, но тот предложил ему сделать за четверг и пятницу все, что у него намечено на субботу, и выехать в пятницу вечером.

– Тем более что в субботу мы работаем только полдня, – добавил он. – Таким образом, вы и с делами справитесь и дома пробудете не два, а три дня.

Юджин поблагодарил мистера Митчли и последовал его совету. Он уложил в чемодан все лучшее, что у него было из одежды, и сел в поезд, думая о том, что его ждет дома. Многое изменилось за это время! Стелла уехала. Его юношеская наивность и неопытность отошли в прошлое. Теперь он едет домой как человек бывалый, с кое-какими перспективами на будущее. Он и не догадывался, каким мальчиком он еще выглядел, как мало еще знал жизнь и как далеко было ему до того трезвого благоразумия, которое так высоко ценит мир.

На вокзале в Александрии Юджина встретили отец, Миртл и Сильвия со своим двух-летним сынишкой. Они приехали в семейной коляске, в которой было место и для него. Юджин ласково поздоровался со всеми и с подобающей скромностью принял их восторженные похвалы своей внешности.

– Здорово ты вырос! – воскликнул отец. – Оказывается, Юджин, ты будешь высоким мужчиной. Я уже боялся, что ты перестал расти.

– А мне и не заметно, что я сколько-нибудь вырос, – сказал Юджин.

– Нет, правда, – встала Миртл. – Ты стал гораздо выше, Джин. И потому кажешься похудевшим. Ну как ты, поздоровел, окреп?

– Еще бы мне не окрепнуть, – смеясь, ответил Юджин, – когда я за день делаю миль пятнадцать – двадцать и все время на свежем воздухе!

Сильвия справились насчет его желудка. В общем, все то же самое, ответил Юджин. То как будто лучше, то опять хуже. Один врач посоветовал ему выпивать утром стакан горячей воды, но он никак себя не заставит. Противно глотать эту гадость.

Так, за разговорами и расспросами, они и не заметили, как доехали до дому, где миссис Витла ждала их на крыльце. Завидев ее в поздних сумерках, Юджин соскочил на ходу и бросился к ней.

– Мамочка! – воскликнул он. – Не ждала меня так скоро, правда?

– Скоро, говоришь?.. – только и вымолвила она и припала к его груди. Несколько секунд она не выпускала его из объятий, а потом сказала: – Ты стал совсем взрослым, Юджин!

Юджин прошел в гостиную и огляделся. Все здесь было по-прежнему. Те же книги, тот же стол и стулья, та же лампа, спускающаяся на блоке с потолка. Ничего нового не прибавилось ни в другой, парадной, гостиной, ни в спальнях комнатах, ни в кухне. Мать немного постарела, отец – нисколько. Сильвия заметно изменилась. Ее круглое личико слегка осунулось и заострилось. «Печать материнства», – подумал Юджин. Лицо Миртл светилось спокойствием и счастьем. У нее был теперь жених, некий Фрэнк Бэнгс, управляющий местной мебельной фабрикой. Он был совсем еще молод и недурен собой. В семье считали, что со временем он будет состоятельным человеком. Старый Билл – одна из двух рабочих лошадей – был продан. Не было в живых Бродяги – одной из овчарок, и кот Джек погиб где-то во время ночных прогулок.

Юджин стоял в кухне и наблюдал за матерью, которая жарила для него увесистый бифштекс и готовила в честь его приезда бисквит со сладкой подливкой, и у него было такое ощущение, словно этот мир стал ему чужим. Он был еще теснее и меньше, чем ему представлялось. Да и самый город, когда он проезжал по улицам, показался ему меньше, меньше стали и дома. Конечно, здесь было хорошо. Но эти уютные, тихие дворики чересчур уж напоминали деревню. А отец, со своей торговлей швейными машинами, – до чего же он ограничен. Типичный провинциал. Как это дико, вдруг подумал Юджин, что у них в доме никогда не было рояля. А ведь Миртл любит музыку. И сам он тоже обнаружил в себе страстную любовь к музыке. В Центральном музыкальном зале в Чикаго по вторникам и пятницам давались органские концерты, и он иногда успевал попасть на них после работы. Кроме того, выступления некоторых видных проповедников, – людей, известных своими либеральными взглядами, как, например, профессор Суинг, преподобный Г. У. Томас, преподобный Гансолус, профессор Солтас, – всегда сопровождалась прекрасной музыкой. Все это Юджин открыл для себя в своем стремлении узнать жизнь и бежать от одиночества. И теперь он понимал, что старый мир, в котором он жил когда-то, был просто глухим, захолустным городишкой. Никогда он не вернется к такой жизни.

На другой день, отлично выспавшись в своей прежней спальне, Юджин пошел в «Морнинг Эппил» повидаться с мистером Калесом Уильямсом и мистером Берджемсом, с Джоном Лайлом и Джоном Саммерсом. На площади возле суда он повстречал Эда Митчела и Джорджа Тэпса, а потом Билла Грониджера и еще четырех или пятерых товарищей по школе. От них он узнал все новости. Джордж Андерсон женился на здешней девушке и теперь живет в

Чикаго – работает там на бойнях. Эд Уотербери уехал в Сан-Франциско. Хорошенькая дочка мистера Сэмпсона, Бесси Сэмпсон, когда-то так дружившая с Тэдом Мартинвудом, сбежала с приездом из Андерсона, что в штате Индиана. Об этом в свое время было много разговоров.

Юджин слушал. Но каким все это казалось ему ничтожным по сравнению с той новой средой, в которую он попал. Ни один из этих молодых людей и не догадывался, какие виды на будущее рисовались ему, Юджину. В Париж! Ни в коем случае не меньше! И в Нью-Йорк! Хотя он не мог бы сказать, какой дальней дорогой туда доберется. А Билл Грониджер устроился на службу в багажное отделение одного из местных вокзалов и рад. Бог ты мой!

В редакции «Морнинг Эппил» все было по-старому. Юджин после двух лет думал найти здесь большие перемены, а между тем изменился он сам. Это он попал в круговорот всяких ломок и превращений. Он чистил ржавые печи, он был помощником агента по продаже недвижимого имущества, возчиком, инкассатором. Он узнал Маргарет Дафф, и мистера Редвуда, заведующего прачечной, и мистера Митчли. Большой город озарил его своим светом – Вере-щагин, Бугро, Институт искусств. Он шел вперед семимильными шагами, а этот городок тоже двигался, но так же, как раньше, понемножку, не торопясь.

Калед Уильямс, как и встарь, носился по комнате веселый, разговорчивый, исполненный участия.

– Рад тебя видеть, Юджин, – заявил он, уставившись на него своим единственным, слезящимся глазом. – Рад, что ты делаешь успехи. Это хорошо. Со временем будешь художником, а? Что ж, я лично считаю, что ты для того и создан. Я не всякому молодому человеку посоветовал бы ехать в Чикаго, но ты будешь там как раз на месте. Если б у меня не было жены и троих детей, ни за что бы оттуда не уехал. Но когда у человека семья... – Он сделал выразительную паузу и покачал головой. – О-хо-хо! По одежке протягивай ножки.

И ушел искать запропастившуюся куда-то заметку.

Джонас Лайл был все так же осанист, флегматичен и философски настроен. Он приветствовал Юджина серьезным, испытующим взглядом.

– Ну-с, как дела?

Юджин улыбнулся.

– Неплохо.

– Наборщиком, значит, не собираетесь быть?

– Как будто нет.

– Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Их и без того слишком много.

Пока они разговаривали, подошел бочком Джон Саммерс.

– Как поживаете, мистер Витла? – спросил он.

Юджин посмотрел на него. Джон был уже отмечен печатью смерти. Он еще больше исхудал, лицо приняло мертвенный оттенок, плечи ссутулились.

– Очень хорошо, мистер Саммерс, – сказал Юджин.

– А я не могу похвастаться, – сказал старый печатник. Он многозначительно постучал себя по груди. – Эта штука скоро меня доконает.

– Не верьте ему, – вмешался Лайл. – Джон вечно ноет. Он здоров, как никогда. Я ему говорю, что он еще лет двадцать проскрипит.

– Нет, нет, – сказал Саммерс, качая головой. – Я-то знаю.

И он тут же куда-то исчез, пояснив предварительно: «Это здесь рядом, через дорогу», как всегда говорил, когда шел выпить.

– Он и года не протянет, – сказал Лайл, едва за ним закрылась дверь. – Берджес только потому его терпит, что стыдно выгонять больного на улицу. Но его песенка спета.

– Это сразу видно, – сказал Юджин. – Выглядит он ужасно.

И они продолжали беседовать в том же духе.

В двенадцать часов Юджин вернулся домой. Миртл заявила, что вечером он непременно должен пойти с ней и с мистером Бэнгсом в гости. Там будут игры, угощение. Ему никогда раньше не случалось задумываться над тем, что молодежь в городе не танцевала и почти не занималась музыкой. Редко у кого в доме был рояль.

После ужина пришел мистер Бэнгс, и все трое отправились на типичную для провинциального городка вечеринку. Она немногим отличалась от тех, на которых Юджин бывал когда-то со Стеллой, – разве только участники ее почти все были постарше. Два года играют огромную роль в жизни молодых людей. Человек двадцать юношей и девушек с трудом помещались в трех просторных комнатах и на веранде; окна и двери на веранду были раскрыты. За окнами была пожелтевшая трава и редкие осенние цветы. Трещали кузнечики, запоздалые светлячки носились в воздухе. Был тихий, теплый вечер.

Первые попытки создать непринужденное настроение были не очень успешны. Кого-то с кем-то знакомили, местные денди перебрасывались остротами и шутками. Было довольно много новых лиц, преимущественно среди девушек; одни перебрались сюда из других мест, другие за время отсутствия Юджина успели расцвести и созреть.

– Выходите за меня замуж, Мэдж, я куплю вам котиковые сережки! – услышал он слова одного из юнцов.

Юджин улыбнулся, а девушка посмотрела на него и рассмеялась.

– Он воображает, что это остроумно.

Юджину всегда стоило больших усилий преодолеть сковывавшую его в таких случаях застенчивость. Он боялся уронить себя во мнении окружающих – в этом проявлялось его тщеславие, его повышенное самолюбие. И сейчас он нерешительно прислушивался к разговорам, пытаясь с помощью двух-трех остроумных замечаний присоединиться к общей беседе, и уже начал было оживляться, когда в комнату вошла незнакомая ему девушка в сопровождении жениха Миртл – Бэнгса. Она весело смеялась чему-то, и этот веселый, мелодичный смех сразу привлек к себе внимание Юджина. На ней было белое платье, отделанное золотисто-коричневой лентой, пропущенной на подоле по краю оборки. Длинные толстые косы оттенка матового золота обвивали ее голову. У нее был прямой нос, тонкие и румяные губы и чуть выдающиеся скулы. Что-то было в ней, выделявшее ее среди окружающих, – едва уловимое обаяние незаурядности. Юджина безотчетно потянуло к этой девушке.

Подвел ее к Юджину Бэнгс. Это был подтянутый, всегда улыбающийся молодой человек, крепкий, как молодой дубок, простой и честный.

– Позвольте вас представить, Юджин, это – мисс Блю. Она из Висконсина и часто бывает в Чикаго. Я говорю ей, что вы непременно должны познакомиться. Вы можете как-нибудь встретиться там.

– Как это удачно! – обрадовался Юджин. – Я чрезвычайно рад познакомиться с вами. Где вы живете в Висконсине?

– В Блэквуде, – смеясь, ответила она, и в ее зеленовато-голубых глазах заплескали огоньки.

– Волосы у нее желтые, глаза голубые, а сама из Блэквуда², – сказал Бэнгс. – Каково?

Он широко улыбался, поблескивая ровными белыми зубами.

– Вы упустили синее имя и белое платье. Мисс Блю³ должна всегда носить белое.

– Да, этот цвет подходит к моей фамилии, верно? – воскликнула она. – Дома я и хожу обычно в белом. Ведь я всего только скромная провинциалка и почти всегда сама шью себе платье.

– Вы и это сами шили? – спросил Юджин.

– Конечно, сама.

² Блэквуд (англ.) – черный лес.

³ Блю (англ.) – синий, голубой.

Бэнгс отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть платье.

– Гм, оно и вправду, красиво! – объявил он.

– Мистер Бэнгс ужасный льстец, – с улыбкой сказала девушка, обращаясь к Юджину. – Он все время говорит мне комплименты.

– Он прав, – сказал Юджин. – Я согласен с ним насчет платья и считаю, что оно очень идет к вашим волосам.

– Вот видите, он тоже пал жертвой, – рассмеялся Бэнгс. – Это общая участь. Ну, а теперь я вас покину. Мне пора, а то я оставил вашу сестру, Юджин, на попечении своего соперника.

Юджин повернулся к девушке и улыбнулся ей своей сдержанной улыбкой.

– Я сейчас как раз думал о том, что с собой делать. Я здесь не был два года и как-то совсем разошелся с людьми.

– Мое положение еще хуже. Я всего две недели в Александрии и почти никого не знаю. Миссис Кинг вывозит меня в свет и знакомит со здешним обществом, но все это так для меня ново, что я никак не могу освоиться. Я нахожу, что Александрия славный город.

– Хороший городок. Вы, вероятно, уже видели озера?

– Да, конечно. Мы ловили рыбу, катались на лодке, спали в палатках. Я чудесно провела время, но завтра мне уже надо уезжать.

– Неужели? – сказал Юджин. – Да ведь и я завтра еду. Поездом в четыре пятнадцать.

– И я еду тем же поездом! – сказала она, смеясь. – Быть может, поедем вместе?

– Непременно. Вот удачно. А я думал, что придется ехать одному. Я вырвался сюда всего на несколько дней. Я работаю в Чикаго.

Они принялись рассказывать друг другу о себе. Она была родом из Блэквуда – городка в восьмидесяти пяти милях от Чикаго – и там провела всю свою жизнь. У нее несколько братьев и сестер. Ее отец, местный фермер, по-видимому, увлекался политикой, но был не чужд и других интересов. Из беглых замечаний своей новой знакомой Юджин понял, что ее семья, хоть они и небогаты, пользуется всеобщим уважением. Один ее зять работает в банке, другой – владелец элеватора. Сама она школьная учительница и уже несколько лет преподает в Блэквуде.

Она была на целых пять лет старше Юджина – он тогда не знал этого, и обладала таким и теми огромными преимуществами, какие дает такая разница в возрасте. Ей надоело быть учительницей, надоело нянчиться с детьми замужних сестер, надоела необходимость работать и жить дома, между тем как проходили ее лучшие годы. Ее влекло к способным людям, глупые деревенские юнцы не интересовали ее. Вот и сейчас один такой блэквудский житель просил ее руки, но это был бесцветный человек, право же, недостойный ее и неспособный создать ей обеспеченную, благоустроенную жизнь. С грустью, с отчаянием, со смутной надеждой и затаенной страстью ждала она чего-то лучшего и не находила. Встреча с Юджином не сулила ей желанного выхода. Да и не так уж безоглядно гналась она за счастьем, чтобы на каждое знакомство смотреть под определенным углом. Но этот молодой человек привлекал ее больше всех, с кем ей случалось знакомиться в последнее время. По-видимому, у них было что-то общее в характере. Ей нравились его большие ясные глаза, темные волосы, его эффектная бледность. Он казался лучше всех, кого она знала, и она надеялась сойтись с ним поближе.

Глава VIII

Остаток вечера Юджин провел если не исключительно в обществе мисс Анджелы Блю (он узнал, что ее зовут Анджелой), то во всяком случае вблизи нее. Она привлекала его не только своей внешностью – хотя была прелестна, – но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус. Он решил, что она очень молода, и был очарован ее – как ему казалось – невинностью и наивностью. На деле же Анджела была не столь уж молода и наивна, – скорее она бессознательно

разыгрывала простодушие. Это была хорошая в общепринятом смысле слова девушка, преданная, честная, порядочная до мелочности, с твердыми нравственными правилами. Брак и материнство она считала долгом и уделом всякой женщины, но, вдоволь намучившись с чужими детьми, не испытывала особенного желания обзаводиться собственными, а тем более иметь много детей. Она, конечно, не надеялась избежать этой общей, столь превозносимой многими участи, и полагала, что и ей, по примеру сестер, предстоит выйти замуж за преуспевающего дельца или человека солидной профессии, что у нее будет трое, четверо или пятеро здоровых ребят, что она станет хозяйкой образцового дома среднего достатка и будет преданной служанкой своего мужа. В ней таилась глубокая страстность, которая – как она постепенно начала сознавать – никогда не найдет полного удовлетворения. Ни один мужчина не способен ее понять, ни один из тех, во всяком случае, кто может оказаться на ее пути, а между тем она знала, что любовь – это ее призвание. Если бы ей встретился человек, который сумел бы зажечь в ней чувство и был бы этого достоин, каким вихрем страсти она ответила бы ему! Как бы она любила, как жертвовала бы собой! Но, по-видимому, ее мечтам не суждено было сбыться: столько времени прошло, и ни разу еще не появился на ее горизонте «настоящий» мужчина. И вот теперь, в двадцать пять лет, когда она так грезилась о счастье и тянулась к нему, перед нею неожиданно предстал предмет ее мечтаний, а она даже не сразу поняла это.

Взаимное влечение мужчины и женщины сказывается очень скоро, Юджин был во многом зрелее Анджелы. Он был осведомленнее ее в некоторых вопросах и обладал более широким кругозором, к тому же в нем были заложены силы, недоступные ее пониманию. Но вместе с тем он был беспомощной игрушкой своих чувств и желаний. Чувства Анджелы, – хотя, возможно, и более сильные, – питались другим. Звезды, ночь, красивый пейзаж, все то чарующее, что есть в природе, волновало Юджина до грусти. Что касается Анджелы, то природа, в ее наиболее ярких проявлениях, оставалась ей, в сущности, чуждой. Горячий отклик, как и в Юджине, находила в ней музыка. В литературе он ценил реалистическое направление, ей же нравились чувствительно-возвышенные истории, имеющие порой отдаленное отношение к реальности. Искусство в своих чисто эстетических формах ничего не говорило ее душе, для Юджина же оно было источником утонченных наслаждений. История, философия, логика, психология оставались для нее закрытой книгой, тогда как для Юджина это уже были распахнутые двери, вернее, поросшие цветами тропы, по которым он радостно бродил. И, несмотря на все это, их влекло друг к другу.

Были между ними и другие различия. Для Юджина условности ничего не значили, и его представления о добре и зле показались бы непонятными рядовому человеку. Он склонен был симпатизировать всякому человеческому существу, независимо от его характера и положения, – высокоразвитому и невежественному, опрятному и нечистоплотному, веселому и грустному, с белой, желтой или черной кожей. Анджела, наоборот, отдавала явное предпочтение людям, которые вели себя соответственно с правилами добропорядочности. Ей с детства внушали уважение к тем, кто особенно усердно работает, по возможности во всем себе отказывает и сообразует свои действия с общепринятыми понятиями о том, что хорошо и что дурно. Ей и в голову не приходило критиковать установившиеся взгляды. То, что записано на скрижалях общественного и морального кодекса, не подлежало для нее изменению. Возможно, что существуют милейшие люди и за пределами ее круга, но с ними немислимо общаться и им нельзя сочувствовать. Для Юджина же всякий человек был прежде всего человеком. Находясь среди отверженных и неудачников, он мог весело смеяться с ними и над ними. Все на свете восхитительно, прекрасно, занятно. Даже суровый трагизм жизни, и тот был для него как-то оправдан, хотя Юджин не оставался к нему равнодушен. Почему он все-таки почувствовал такое влечение к Анджеле, остается загадкой. Возможно, что они в то время как-то дополняли друг друга, подобно тому, как спутник дополняет более крупное светило, так как эгоизм Юджина

требовал похвалы, сочувствия, женской ласки. Анджелу же воспламенила горячая страстность его натуры.

На другой день, в поезде, они провели почти три часа в упоительной беседе. Чуть ли не с первых слов он рассказал ей, как два года назад ехал по той же дороге, тем же поездом и в те же часы. Рассказал, как бродил по улицам большого города в поисках ночлега, как получил работу и не возвращался домой в Александрию, пока не убедился, что обрел свое призвание. Теперь он будет учиться живописи, а затем поедет в Нью-Йорк или Париж, будет работать в журналах, а возможно, и писать картины. Он любил порисоваться перед теми, кто восхищался им, а здесь он был уверен в восхищении. Его спутница смотрела на него глазами, которые ничего, кроме него, не видели. Этот человек действительно не был похож на тех, кого она когда-либо знала, – он был молод, талантлив, честолюбив, обладал богатым воображением. Он хотел пробить себе дорогу в мир, куда стремилась и она, – без малейшей, впрочем, надежды его увидеть, – в мир искусства. И вот будущий художник рассказывает ей о своих планах, говорит о Париже. Как это прекрасно!

Когда они стали подъезжать к Чикаго, Анджела сказала, что ей придется немедленно пересест в поезд, следующий из Чикаго в Сент-Пол и останавливающийся в Блэквуде. По правде сказать, у нее было немного тоскливо на душе и сердце чуть щемило, так как летние каникулы подошли к концу и ей предстояло снова вернуться к занятиям в школе. Две недели, которые она провела в гостях у миссис Кинг, своей бывшей школьной подруги, уроженки Блэквуда, промелькнули как чудесный сон. Подруга приложила все старания, чтобы Анджеле было весело. И вот все миновало. Да и знакомство с Юджином скоро оборвется, он еще ни словом не обмолвился о том, чтобы снова встретиться с нею. Но она только подумала, что хорошо было бы поближе узнать тот мир, который он обрисовал ей в таких ярких красках, как Юджин сказал:

– Мистер Бэнгс говорил мне, что вы время от времени навещаетесь в Чикаго?

– Да, правда, – ответила она. – Я иногда приезжаю, чтобы побывать в театре и кое-что купить.

Анджела не рассказала ему, что эти поездки вызваны соображениями практического свойства, так как она славилась в семье умением покупать, и для больших закупок родные часто посылали ее в Чикаго. Практичностью и хозяйственностью она превосходила их всех, а кроме того, сестры и друзья чрезвычайно ценили ее за то, что она охотно брала на себя всякие хлопоты. При ее любви к труду ей грозила опасность превратиться в рабочую лошадь для всей семьи. За что бы она ни бралась, она все делала добросовестно, но занималась почти исключительно хозяйственными мелочами.

– А скоро вы рассчитываете снова побывать в Чикаго? – спросил он.

– Трудно сказать. Обычно я приезжаю зимой, когда открывается опера. Но в этом году, возможно, попаду в Чикаго ко Дню благодарения.

– Не раньше?

– Едва ли, – ответила она лукаво.

– Как жаль! А я надеялся, что увижу вас еще этой осенью. Во всяком случае, когда приедете, дайте мне знать. Я с удовольствием сводил бы вас в театр.

Юджин очень мало тратился на развлечения, но тут он решился на некоторый риск. Ведь она не часто будет приезжать. Кстати, он надеялся получить в ближайшие дни прибавку, а это существенно меняло дело. К тому времени, когда девушка соберется приехать, он уже будет учиться в Институте и для него откроется новое поприще. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках.

– Это очень мило с вашей стороны, – ответила Анджела. – Я вас извещу, когда приеду. Ведь я такая провинциалка, – добавила она, тряхнув головкой, – в кои-то веки мне удастся попасть в большой город.

Юджину нравилось в ней то, что он принимал за бесхитростное простодушие, – откровенность, с какою она признавалась в своей бедности и неискушенности. Обычно девушки так не держатся. В ее устах бедность и неискушенность казались чуть ли не добродетелями; как признание, во всяком случае, это звучало очаровательно.

– Смотрите же, без обмана, – сказал он.

– Зачем же. Я с удовольствием вас извещу.

Поезд подходил к вокзалу. Юджин забыл в эту минуту, что эта девушка не так красива и недостижима, как Стелла, и что по темпераменту ей, вероятно, далеко до Маргарет. Он смотрел на нее прекрасные матовые волосы, тонкие губы и совсем особенные голубые глаза, восхищаясь ее прямоотой и безыскусственностью. Как только приехали, он взял ее чемодан и помог ей разыскать поезд, а потом горячо пожал руку на прощание; ведь она была так мила и с таким сочувствием и интересом слушала его.

– Помните же! – весело повторял он, усаживая ее в вагон местного поезда.

– Я не забуду.

– И не сердитесь, если я вам напишу.

– Напротив. Буду очень рада.

– Хорошо, тогда я буду вам писать, – сказал он, выходя из вагона.

Юджин стоял на перроне и смотрел на нее, пока поезд не отошел. Его радовало это знакомство. Вот славная девушка – чистая, прямая, бесхитростная. Такою и должна быть хорошая женщина – порядочной и чистой; это не разнузданная девчонка, как Маргарет; и не равнодушная, бесстрастная красавица, как Стелла, хотелось ему прибавить, но у него не хватило духу. Какой-то голос нашептывал ему, что с эстетической точки зрения Стелла была совершенством, ему и сейчас было больно вспоминать о ней. Но Стелла навсегда ушла из его жизни – в этом не было никакого сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.